

Эдуард
ТОПОЛЬ

Братство
Маргариты

Эдуард Тополь

Братство Маргариты (сборник)

«Эдуард Тополь»

2010

Тополь Э. В.

Братство Маргариты (сборник) / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 2010

ISBN 978-5-17-062527-7

Тридцать первая книга знаменитого Эдуарда Тополя – прославленного драматурга и сценариста, но прежде всего – известного и любимого во всем мире писателя, романы и повести которого изданы во всех европейских странах, в США, Японии и, конечно, в России! Пять новых произведений, написанных в разных жанрах – от лирики до социальной сатиры. Пять увлекательных повестей о любви, мужестве и борьбе за справедливость. Содержание Братство Маргариты. Смешная история Япона коммуна, или Как японские военнопленные построили коммунизм в отдельно взятом сибирском лагере (по мемуарам японских военнопленных) Father's Dance, или Ивана ищет отца Ритуальное убийство. Театральный процесс в двух действиях и четырех стенограммах Повесть о настоящем. Очерк

ISBN 978-5-17-062527-7

© Тополь Э. В., 2010

© Эдуард Тополь, 2010

Содержание

Братство Маргариты	5
Япона коммуна, или Как японские военнопленные построили коммунизм в отдельно взятом сибирском лагере (по мемуарам японских военнопленных)	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эдуард Тополь

Братство Маргариты

Братство Маргариты *Смешная история*

– Алло! Сергей Альбертович! Это Маргарита. Ну Маргарита, из Воронежа. Помните, вы к нам приезжали три года назад? Вы еще в «Радуге» останавливались, а я там по соседству жила, на Плеханова. Вспомнили? Ну я, я – Рита-Маргарита, ага. Да, в Москве. Нет, не проездом, я уже два года тут! Чем занимаюсь? Ой, Сергей Альбертович, чем я тут токо не занималась!

А теперь я в маркетинге, ага! Ну или в маркетинге, не знаю, как правильно. Нет, работа есть, не беспокойтесь, я не потому эсэмэску кинула. Я что хочу сказать? У меня дочке семь лет, ей через два дня в школу, и я вот тут, в Ясенево, квартиру сняла рядом со школой, на Айвазовского. То есть место хорошее, но квартира в таком состоянии!

И я чё подумала, Сергей Альбертович? Может, вы мне с ремонтом поможете, а? Ну там с обоями или еще чем. Нет, сегодня, у меня до школы два дня осталось. Сегодня не сможете? Ну извините. Да, я понимаю – вот так, с бухты-барахты, в тот же день... А раньше я не могла, раньше этой квартиры не было, она ж только утром освободилась. Дочка? Нет, дочка еще в Воронеже, мама мне ее завтра привезет, а мне тут нужно – ну, я не знаю, хоть обои поклеить, чё-то из мебели прикупить... Подумаете? Пожалуйста, Сергей Альбертович!.. Я понимаю... Но если получится... Спасибо...

Дав отбой, Маргарита на ходу спрятала в карман старенькую «Нокию» и сказала вслух:

– Хрена он поможет, засранец!

Кто-то из покупателей супермаркета оглянулся на нее с недоумением или даже с осуждением за ругань, но Маргарите было на это наплевать, ей в этот день было не до политесов. Раздосадованная, она свернула от полок «фрукты-овощи» к полкам с рисовыми, овсяными и гречневыми кашами. Хотела взять две коробки с овсянкой, но тут ее «Нокия» запела голосом Баскова, и Маргарита опять достала трубку.

– Ой, Илюша!! Ты? Как я рада тебя слышать! Получил мою эсэмэску? Значит, ты в Москве? Ну да, я теперь тоже в Москве! А ты думал! Все сюда, а куда еще? В Москве теперь москвичей – как динозавров, можно отлавливать, да и то для музея. Они ж сами ничё уже делать не умеют, квартиры сдают и живут за наш счет. Ну да фиг с ними! Ты-то как? Я, честно говоря, тебе просто так написала, даже не думала. Думала, ты уже давно там, ну в этом, как его, в Израиле... А ты тут. Ну понимаешь, даже не знаю, как тебе сказать, ведь ты не по этому делу. Ладно, все равно скажу. Ты мою Катю помнишь? Ну ты ей еще сказки читал, ага, когда ей два года было. Так вот, ей уже семь, представляешь? Большая девушка, через два дня в школу. Ну а какие у нас там школы – сам понимаешь. Короче, я тут квартиру сняла – ну тут, в Ясенево, на Айвазовского, я тебе в эсэмэске адрес написала. И мне ее надо в порядок привести – обои поклеить, дверь переставить, починить кой-чего. Ты мог бы приехать? Дак сегодня... Ну да, сёдня суббота. Почему не можешь? В смысле в субботу евреям нельзя уже и выйти из дома? Ах дети! А сколько их у тебя? Трое? Ну ты даешь! А где жена? На работе? Ну понятно. Нет, завтра уже поздно, завтра дочка приезжает. Ну, ничё, я сама... Справлюсь, конечно... Я понимаю... Пока!

Дав отбой, Маргарита вздохнула – блин! И, щелкая джостиком мобилы, глянула на экранчик «Нокии» – так, сколько их осталось? Вот когда им приспичит, так сразу! А когда нам...

Бросив в тележку по две пачки овсянки, гречки и дикого риса, Маргарита двинулась к мясному ряду, но тут снова запел Басков. Интересно, кто это?

– Аллю. Да, я Рита. Арсен? Гм... Что-то я не... Ах, брат Георгия! А Георгий? За границей? И когда будет? В каком смысле не будет? А, ну понятно. То есть если ему звонки или эсэмэски, то на вас переадресация. Ну ясно. Нет, что вы! Ему-то я просто написала, как знакомая. А вас-то я не могу просить. Что? У армян брат отвечает за брата? А вы какой брат – старший или младший? Да? Намного? Ну это не очень много. Короче, Армен... Ой, извините, Арсен. У вас какая профессия? Повар? Ну не знаю... Короче, у меня такая ситуация. Я сегодня сняла квартиру в Ясенево, мне нужно срочно привести ее в порядок. Ну, обои поклеить, дверь навесить, замки поменять. Адрес? А что – вы прямо сейчас приедете? Гм, интересно. Вы же меня не видели ни разу. От брата слышали? А что слышали? Ну ладно, тогда пишите: Айвазовского, 5, квартира 230. Никакого кода, просто поднимаетесь на девятый этаж. Почему пешком? Лифтом. Хорошо, я жду.

Ну-ну! Интересно...

Постояв у мясной витрины, Маргарита обиженно поджала губы и, отбросив волосы за плечо, направилась к кассе.

Однако – опять Басков. И на экранчике – знакомый номер. Гм, неужели?

– Аллю, Сергей Альбертович? Что??? Через двадцать минут на Айвазовского?? Ничего себе скорости у вас! Нет, я помню, конечно, еще бы мне вашу скорость не помнить! Дак пожалуйста, конечно, – Айвазовского, 5, квартира 230. Я жду.

Елки-палки!

Маргарита подбежала к кассе – благо тут не было очереди, быстро расплатилась за каши, подсолнечное масло, хлеб, соль, сахар и все остальное, что успела купить себе на новоселье, и, выскочив на улицу с двумя тяжелыми сумками, метнулась за угол дома, к своему восьмому подъезду.

Лифтом на девятый этаж, и вот она – ее новая двухкомнатная малогабаритка, ужасно запущенная, без мебели, с отлипающимися обоями, стоптанным линолеумом и пятнами на стенах от снятых фотографий. В углу несколько чемоданов, узлов и картонных ящиков с вещами. На подоконнике – старая магнитола передает какую-то музыку. На балконе – свернутый в рулон прогнивший ковер и ящики с пустыми бутылками (все оставлено бывшими квартирантами), а под ними кухонная дверь.

Сбросив босоножки, Маргарита пробежала на кухню, но не успела и сумки толком распаковать – звонок в дверь.

– Иду! Открыто! – И Маргарита открыла дверь.

Пятидесятилетний Сергей Альбертович вошел спиной и, пятясь, вкатил магазинную тележку, доверху заполненную замызганными банками с краской, свернутыми в рулон кусками линолеума, валиком и прочим ремонтным скарбом. Повернувшись к Маргарите, широко распахнул руки:

– Здравствуй, Рита-Маргарита!

Но Маргарита от объятий уклонилась:

– Здравствуйте...

– Ну, дай я тебя обниму, блин! – возмутился Сергей Альбертович. – Мы с тобой уже сколько не обнимались, ё-моё! Иди сюда! Ты чё?

Маргарита, однако, опять уклонилась:

– Сергей Альбертович, подождите. При чем тут... Я ж не для этого...

– Так одно другому не мешает! Я ж тут, видишь, краску привез. Я вообще-то уже на дачу ехал, когда ты позвонила. – И Сергей Альбертович огляделся по сторонам. – Квартирка у тебя ничего, но маленькая, конечно. Но мы ее красками осветлим, она больше станет.

– Я хотела обои... – заметила Маргарита.

– Хотела-свистела. У меня краски с моего ремонта остались – люксовые!

Маргарита подошла к тележке:

– Так они же разные.

– Ну и хорошо. – Сергей Альбертович опять попытался приблизиться к Маргарите. – Мы одну стенку накатим зеленой, будет как у Тургенева, писателя такого знаешь? «Муму» написал. Или это Достоевский? Ну не важно! А другую стенку розовой...

Но Маргарита успешно увернулась и на этот раз.

– А ты, я смотрю, такая фифа стала – не подойти, блин! – констатировал Сергей Альбертович. – Нет, хороша, хороша! Причесочка, попочка – супер! Ладно. – Он порылся в тележке и достал из-под банок бутылку текилы. – Во, видала! Помнишь, как я тебя учил текилу пить? Давай, посуда тут есть?

– Сергей Альбертович, ну, честное слово, нам нужно ремонтом...

– Так мы и ремонтом, и всем займемся. Какие проблемы?

– Но время уже смотрите сколько...

– Минуту! – возмутился Сергей Альбертович. – Новоселье обмыть надо или не надо? Ё-моё! Это ж святое! – Он прошел на кухню, стал открывать пустые шкафчики. – Хоть один-то стакан есть у тебя?

– Ну есть, конечно, – принужденно сказала Маргарита.

Между тем магнитола передала прогноз погоды – в Москве к вечеру гроза и дожди. А Маргарита разложила на полу один из чемоданов и нагнулась, открывая его. В чемодане была вся ее посуда – кастрюли, тарелки, сковородки и вилки-ложки. Маргарита стала рыться, доставая завернутые в газету стаканы.

А Сергей Альбертович, воспользовавшись ее позой, зашел сзади, взял ее за ягодицы.

Маргарита отскочила:

– Сергей Альбертович, прекратите!

– Нет, хороша, хороша! – сказал Сергей Альбертович. – Первый класс! Давай стаканы! А грудки как торчат! Счас откушу, гад буду! – И зубами откусил пленку на горлышке бутылки. – Штопор давай. – Взяв у Маргариты штопор, он откупорил бутылку и стал плескать текилу в углы: – Чтоб еб... Ой, извини! Чтоб спалось и жилось! Чтоб жилось и спалось! – И налил в два стакана. – Ну, Рита-Маргарита, держи! А соль тут есть?

Маргарита подала ему только что купленную пачку соли. Он вспорол ее ногтем, насыпал соль ей и себе на край стаканов.

– Вот так. Токо, если хочешь тут жить, пей до дна, поняла? – И звонко чокнулся. – Ну здравствуй, Рита-Маргарита! С новосельем! Давай, давай! Залпом!

Маргарита послушно выпила залпом.

– Очень хорошо, моя школа! – заметил Сергей Альбертович. – Поехали!

Выпил, зажмурился и занюхал кулаком.

– Ох, идет! Ох, как идет! – восхитился он и распахнул руки для объятий. – Ну, иди сюда, лапуля моя! Пока я горячий...

Маргарита хотела ускользнуть, но он схватил ее, прижал к себе.

– Да ладно тебе! Чё там! Свои же люди...

– Сергей Альбер... – придушенно сказала Маргарита.

Договорить не вышло, поскольку он уже вздернул на Маргарите юбку и поднял ее за ягодицы.

– Тихо! Спокойно!

– Пустите... – пискнула Маргарита, пытаясь вырваться.

Но Альбертович держал крепко.

– Тсс! Не дергайся! Сама снимешь? Или порвать?

– Да уже порвали, прошлый раз. Пустите!

Он оглянулся по сторонам:

– Блин, даже завалить некуда...

Не выпуская Маргариту, он попытался лечь с ней на пол, но тут раздался звонок в дверь.

– Это еще кто? – спросил Сергей Альбертович.

– Пустите, – сказала Маргарита.

– Тихо, не отвечай.

– Иду! – крикнула Маргарита. – Открыто!

Альбертович принужденно выпустил Маргариту, она оправила юбку и пошла к двери.

– Открыто!

Роняя рулоны обоев, вошел тридцатилетний Илья, увешанный сумками.

– Здравствуй, Маргарита.

– Ой, Илюша! – обрадовалась Маргарита. – Здравствуй!

Неловко подняв пару рулонов, Илья выпрямился:

– Ну, дай на тебя посмотреть, – и восторженно: – Боже мой! Боже мой! Именно такой ты мне снилась в Израиле! Принцесса!

Илья разгрузился от сумок, открыл одну из них, достал букет цветов и вручил Маргарите:

– Это тебе.

Маргарита растроганно поцеловала его:

– Спасибо, Илюша.

Илья стал собирать остальные рулоны обоев, а Сергей Альбертович требовательно сказал Маргарите:

– Ну и кто это?

– Илюша, мой одноклассник... – начала Маргарита, но тут снова позвонили в дверь.

– Как? Еще? – изумился Сергей Альбертович.

Маргарита молча открыла дверь, и в квартиру вошел полный сорокалетний мужчина кавказской внешности с тяжелой сумкой-холодильником и авоськой с помидорами, огурцами, перцами и прочей зеленью.

– Здравствуйте.

– Та-ак, Маргарита! – протянул Сергей Альбертович. – Интернационал получается?

– Извините, – сказал мужчина с кавказским акцентом. – Я, наверно, некстати...

– Кстати, кстати! – хмыкнул Альбертович, забирая у него авоську. – Еще как! – И показал на сумку-холодильник: – А тут у тебя чего?

– Шашлыки. Замаринованные. Правда, без мангала не то, конечно, получится...

– Почему без мангала? Секунду! – Альбертович достал свой мобильник и набрал короткий номер: – Алло, Коля! Срочно. Достань из багажника весь походный комплект и – наверх, квартира 230, последний этаж. Усек? Давай.

– А Коля – это кто? – спросила Маргарита.

– Мой водитель, – пояснил Альбертович.

– Так это ваша там с мигалкой? – спросил Илья. – Вы кто по профессии?

– Я по профессии депутат, – заносчиво сказал Сергей Альбертович. – А ты?

– А я учитель.

– Чего? Чего учитель-то?

– Русского языка.

– Ни хера себе! Дожили!

– В чем дело? – вмешалась Маргарита.

– Да ни в чем! – усмехнулся Альбертович. – Дожили, блин! Явреи нас русскому языку учат!

Новый звонок в дверь прервал эту беседу, Альбертович сказал кавказцу:

– Идем, поможем.

И вместе с ним принял в дверях у водителя Коли мангал, шампуры, бумажный мешок с углем, бутылку с зажигательной жидкостью, а также складной походный стол и складные походные стулья.

– Походный набор народного депутата? – усмехнулся Илья.

– Иди сюда, учитель! Помогай, – позвал Альбертович.

Втроем мужчины расставили стол и стулья, выложили на стол принесенные Арсеном овощи. Илья добавил к этому припасы из своей сумки – торт и фрукты. Альбертович привычно командовал:

– Так, стол ставим сюда... Армен, посуда в чемодане... Учитель, тащи кастрюлю для мяса...

Глядя на эту хозяйскую активность, Маргарита удивилась:

– Мужчины, я не понимаю. Я вас для чего...

Но Альбертович даже ухом не повел.

– Учитель, мангал на балкон. Давай, потащили! Чё стоишь?

Вдвоем они потащили мангал на балкон.

– Стойте! – заступила им дорогу Маргарита.

Глядя на ее спелые прелести, Сергей Альбертович предупредил:

– Откушу!

– На балкон нельзя! – сказала Маргарита. – Соседи милицию вызовут!

Но Альбертович отодвинул ее:

– Женщина, какая на хрен милиция? Я депутат!

Вынеся и поставив мангал, Илья оглянулся:

– Хорошо тут. Всю Москву видно. И последний этаж, никто по голове не будет топтать.

Кавказский мужик тут же принялся нанизывать на шампуры мясо и помидоры.

– Маргариточка, у вас соль-перец есть?

– Нет, я не понимаю! – все-таки возмутилась Маргарита. – Я вас для чего позвала? Мне нужно обоим поклеить...

– Дорогая, вы не волнуйтесь, – успокоил ее кавказец. – Мы все сделаем, я отвечаю!

– Армен, остынь, – сказал Альбертович. – За все я отвечаю. А ты за шашлыки отвечаешь, понял?

– Я не Армен, я Арсен, – сообщил мужчина.

– Ты армянин? – спросил Альбертович.

– Армянин.

– Значит, Армен. Чё ты обижаешься? Говори, чё делать. Мангал заводить?

– Конечно. Чем раньше...

– Учитель, давай, – сказал Илье Альбертович, – уголь сыпешь в мангал, брызгаешь керосин, зажигаешь. Чё стоишь?

Арсен достал из сумки-холодильника маринованное мясо.

– А это какое мясо? – поинтересовался Илья.

– Какое-какое? – усмехнулся Альбертович. – Свинина, тебе нельзя. А уголь засыпать можно. Давай работай! – И повернулся к Маргарите: – А ты чё стоишь? Помогай Армену.

– Да ну вас! – ответила она и достала мобильник, вновь запевший голосом Николая Баскова.

– Алло! Кто-кто??? О Господи! – И, закрыв трубку ладошкой, Маргарита быстро шмыгнула в спальню, закрыла дверь.

– Могу забить – это еще один! – прокомментировал Сергей Альбертович.

Между тем Илья неумело вспорол мешок с углем, с трудом поднял его и стал сыпать уголь в мангал. Но уголь не столько сыпался в мангал, сколько на пол балкона, а с него – вниз, на улицу.

– Не, ну вы посмотрите! – возмутился Сергей Альбертович. – Что за народ! Ты ж убьешь там людей! Даже мои корочки не помогут! Дай сюда! – И отнял у Ильи мешок с углем. – Собирай уголь, блин! Как вас Святая земля носит?

Илья принялся собирать уголь.

Рита, чем-то явно озабоченная, выскочила из спальни, быстро прошла к двери, открыла ее и выглянула наружу. И хотя там никого не было, осталась у двери.

– Мужики, – сказал Арсен, – мяса на всех не хватит, я ж не знал, что нас столько. Сергей, можешь своего шофера в магазин послать?

– А что нужно, конкретно? – спросил Сергей Альбертович.

Разжигая уголь в мангале, Арсен сказал:

– Ну, еще мяса, картошку. Пиво. Лаваш. И... сам понимаешь...

– Горючее, ясно. По сколько скидываемся?

– Ну, если нас четверо, то...

Альбертович кивнул на Илью:

– Этого можешь не считать.

– Почему это меня не считать? – возмутился Илья.

– А ты чё – пьющий, что ли? – спросил Альбертович.

– Я не пьющий, но выпить могу.

– Сколько?

– Ну, я не знаю...

– Конкретно?! Сколько? – потребовал Альбертович.

– Ну... ну... – замялся Илья.

– Ну! Ну! – настаивал Альбертович.

– Ну, грамм двести могу...

Альбертович махнул на него рукой:

– Сто пятьдесят хватит! – и повернулся к Арсену: – Короче, берем ящик пива и три белых. И в запасе у нас текила. Скидываемся по пятьсот, будет в упор.

Он достал из бумажника пятьсот рублей, еще пятьсот взял у Арсена и протянул руку Илье:

– Давай, давай, не жидись!

– А можно без этих слов? – спросил Илья, доставая деньги.

– А ты не обижайся, – ответил Альбертович, забирая деньги. – Я ж не со зла. У меня вообще была одна еврейка – супер! Потом расскажу... – И набрал короткий номер на своем «Сони-Эриксоне» последней модели. – Коля, у тебя деньги есть? Тогда боевая задача: тут внизу супермаркет, нужно картошки три кэгэ, свинины для шашлыка один кэгэ, ящик «Балтики» и три «Абсолюта».

Размахивая картонкой над краснеющим от жара мангалом, Арсен добавил:

– И перец! Красный. И лаваш!

– Лаваш и красный перец, – повторил в трубку Сергей. – Все, пошел! Чек не забудь! – И проследил с балкона, как внизу водитель вышел из депутатской «ауди» и пошел в супермаркет.

Тут опять позвонили в дверь, и Маргарита тут же открыла, даже не дождавшись конца звонка.

Все, конечно, с любопытством уставились на дверь.

Но сначала в нее просунулось велосипедное колесо, и только затем в квартиру вошел мужик в украинской вышитой рубашке, с велосипедом на одном плече и спортивной сумкой на другом.

– Добрыдэнь... – сказал он Рите смущенно.

Но она не ответила, а только пристально смотрела ему в глаза.

И он смотрел ей в глаза, и неизвестно, сколько бы длилась эта мертвая пауза, если бы не Сергей Альбертович.

– Ну ты, Маргарита, даешь! – восхитился он. – Советский Союз собираешь? А таджики будут?

– Знакомьтесь... – принужденно сказала Маргарита.

Василий поставил велосипед и подал руку Илье:

– Васыль.

– Илья, – сказал Илья.

Василий повернулся к Арсену:

– Васыль.

Арсен ответил рукопожатием:

– Арсен.

– Васыль, – перешел Василий к Сергею Альбертовичу.

– А ты, Вася, на этом велике из Киева приехал? – спросил тот.

– Я не Вася, я Васыль.

– Ага. Васыль... – кивнул Сергей Альбертович и сказал не то сам себе, не то Илье и Арсену: – И кто только не имеет нашу Россию... – И опять Василию: – А ты за кого? За Януковича или за Тимошенко?

– Сергей Альбертович! – вмешалась Маргарита. – Дайте отдохнуть человеку, он только приехал.

– Я за киевско «Динамо», – ответил Василий Альбертовичу. – А шо тут робыться?

– Ты лучше скажи – водку будешь пить? – спросил Сергей Альбертович.

– Нэ знаю... Завтра у нас вэлгонка. Ну, у наших парубков, а я у них за тренера.

– Значит, будешь. Мы тут скинулись на шашлыки, на всё. С тебя пять сотен.

– Скильки?! – изумился Василий.

– Не с кильки, а с тебя! Вот хохол! Еврей дал – не дрогнул. А ты...

– Так я усэ маю, – сказал Василий. – Дывысь.

Открыв свою спортивную сумку, Василий выложил из нее целый круг домашней колбасы, большой шмат сала и бутыль.

– Самогон? – спросил Альбертович.

– Та якый! – Василий вытащил пробку и протянул ему бутыль. – Нюхны!

Альбертович взял бутыль, понюхал.

– И это все?

– А мало? – удивился Василий. – Тут пивтора литру!

– Видали? – сказал Альбертович. – Они у нас газа шесть миллионов кубов отсосали! А возвращают полтора литра. И то самогоном.

Он поставил бутыль, взял колбасу, понюхал и протянул Илье:

– Будешь?

Но Илья отвернулся.

Альбертович передал колбасу Арсену:

– Прожарь как следует.

Арсен тут же разломил колбасу и стал нанизывать куски на шампур.

– Та вы шо?! – возмутился Василий. – Цэ свежа ковбаса!

– Что для хохла свежа, – назидательно сказал Альбертович, – то для москвича смерть.

Выйдя на балкон, Арсен положил на раскаленный мангал шампуры с мясом и колбасой. Они тут же зашипели на углях, Арсен стал снова махать над мангалом своей картонкой, как веером, и запах жареного мяса и чесночной колбасы поплыл над улицей Айвазовского.

Минуту спустя прозвучал новый звонок в дверь.

– Еще кто-то?! – возмутился Альбертович. – Так, Маргарита, колись! Какую республику теперь присоединяем?

– Да ну вас! – отмахнулась она и открыла дверь.

Но это был Коля, водитель Сергея Альбертовича. Не входя в квартиру, он стал подавать Маргарите пакеты с картошкой и мясом, потом пять лавашей, ящик с «Балтикой», баночку с перцем и три бутылки «Абсолюта».

Маргарита в ужасе повернулась к Сергею Альбертовичу, Илье и Арсену:

– Да вы что?! Куда вам столько?! Вы сюда пить приехали??

– Спокойно, – сказал Альбертович, забирая принесенное. – Четыре мужика – три бутылки. Какие проблемы? Еще не хватит!

Маргарита, недовольно поведя плечом, ушла на кухню, стала вынимать из чемодана и распаковывать завернутую в газету посуду.

Тем временем Арсен демонстрировал свое кулинарное мастерство и опыт: одновременно открывал бутылки пива, вращал шампуры на мангале, обильно поливал пивом мясо и колбасу и доставал фольгу из своей сумки, говоря:

– Мужики, картошку помыть, завернуть в фольгу. Быстро!

Илья взял у него пакет с картошкой и направился с ним на кухню, но Альбертович остановил его, отнял пакет.

– Стоп! Это я сам.

– Я помыть... – удивился Илья.

– Я помою. Иди готовь фольгу.

Альбертович ушел на кухню и, жадно поглядывая на Маргариту, моющую посуду, открыл пакет с картошкой.

А в комнате Илья развернул рулон с фольгой, оторвал несколько кусков под картошку и принялся нарезать овощи для салата.

Между тем на балконе Арсен, поворачивая шампуры и брызгая на мясо пивом, объяснял Василию:

– Как я люблю готовить! Вах! Сам посмотри! Замечательно! Запах мяса! Чеснока! Такую еду готовить – самый большой кайф! После секса, конечно. Но я тебе больше скажу: для некоторых это удовольствие заменяет секс. Заменяет! Я тебе даже один секрет открою: почему женщины любят готовить? Потому что им секса не хватает. И то же самое в политике: почему политики много говорят? Говорят, говорят – как вы думаете, почему? Потому что это им оральный секс заменяет!

Видя, что все заняты, Сергей Альбертович неслышно подошел к Маргарите со спины, схватил ее одной рукой промеж ног и поднял в воздух.

– Оп!

– Пустите. Закричу, – негромко сказала Маргарита.

– Не закричишь.

– А-а!.. – громко закричала Маргарита.

Все тут же прибежали на крик. А Сергей поставил Маргариту на пол.

– Шутка, – сказал он и с мытой картошкой вернулся в комнату, приказал Илье: – Давай заворачивай! По-быстрому!

– Шутки у вас, боцман... – усмехнулся Илья, неловко нарезаая помидоры.

– Сам ты Кацман! – обозлился Альбертович. – Кто так помидоры режет? – И выхватил у Ильи нож.

– Отдайте! – сказал Илья.

– Не бойся, не нарежу. Еще команды не было, – ответил Альбертович и принялся умело нарезать овощи.

– Вы так не шутите. – Илья, проводив взглядом Риту, убежавшую в спальню, стал заворачивать картошку в фольгу.

– А я и не шучу, – хмыкнул Альбертович.

Илья отнес Арсену завернутую в фольгу картошку, и Арсен с Василием стали раскладывать эту картошку по углам мангала.

– Все! Шашлыки готовы! – сообщил Арсен, лавашем снял с шампура кусок прожаренного мяса и так, в лаваше, подал Илье: – Пробуй.

Но тут на балконе возник Альбертович, сказал возмущенно:

– Ты кому дал? Ему нельзя – отравится!

– Где армянин готовил, там даже турок не отравится! – гордо сказал Арсен.

– Такая дружба народов? – усмехнулся Сергей Альбертович.

– Если бы мирные конференции не в ООН собирали, а вот так, за мангалами, – ответил Арсен, – никакой войны бы не было, это я отвечаю!

– Ну, как свинина? – спросил Альбертович у Ильи.

– Жесть! – ответил тот.

– Как ты сказал? – оскорбился Арсен.

– Ну, в смысле – супер! – пояснил Илья.

– С этого все и начинается, – заметил ему Альбертович. – Сегодня ты свинину жрешь, а завтра к туркам перейдешь!

– А турки не едят свинину...

– Ну все! Хватит! Накрываем стол! Шашлыки остынут! – распорядился Арсен и направился к спальне.

– Стой! – крикнул ему Альбертович.

Арсен остановился:

– В чем дело?

– Ты куда?

– Маргариту позову.

– Я сам позову. Знаем мы вас! Где армян позовет... – И Альбертович подошел к спальне: – Маргарита!

– Одну минуту! Иду! – отозвалась она из-за закрытой двери.

Между тем в комнате мужчины накрывали на стол – тарелки, стаканы, водка, пиво, шашлыки, овощи и все остальное. Илья поставил посреди стола банку со своим букетом.

Магнитола тем временем стала играть какой-то французский шансон. И под эту музыку Маргарита вдруг вышла из спальни настоящей дивой.

– Ни хрена себе! – восхитился Сергей.

– Вах! – сказал Арсен.

– Оцэ дива! – оценил Василий.

А Илья запел:

– Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась...

– Все, мужики! За стол! – перебил его Сергей Альбертович.

Все расселись – Альбертович и Илья, конечно, рядом с Маргаритой.

Альбертович по-хозяйски разлил по стаканам, встал:

– Стоп, братаны! Тост. – И стукнул Василия по руке, которую тот протянул к шампуру: – Замри! Ты сюда жрать приехал? Рита-Маргарита, что я хочу сказать... С новосельем тебя! Но с каким! Можно сказать, лучшие мужики России съехали, даже из-за границы! И ремонт мы тебе сделаем – первый класс, ты не сомневайся! Но самое главное: пусть в этой квартире от нас, мужиков, у тебя не будет отбоя! Поняла? Это я тебе как народный депутат официально желаю! Поехали!

Все шумно чокнулись, выпили, закусили.

Магнитола продолжала передавать французский шлягер.

– Гарны шашлыки! Смачны! – сказал Василий.

– Очень вкусно! – подтвердила Маргарита. – Арсен, я так люблю мясо!

Илья встал:

– Рита, потанцуем?

– Уже? – спохватился Альбертович. – Во яврей!

Маргарита и Илья стали танцевать, но как! Просто как профессиональные танцоры!

– А помнишь? – сказал, танцуя, Илья.

– Турнир бразильского танго? – спросила Маргарита.

– Мы взяли второе место.

– Нас засудили...

– Из-за дочки нашего олигарха. В каком мы были классе?

– В девятом.

– Да, я тебе тогда стихи написал...

– Нет, первые стихи ты мне в восьмом написал.

– Неужели в восьмом?

Тут музыка закончилась, все зааплодировали танцорам.

– Во дали! – сказал Альбертович.

Магнитола перешла на танго.

Василий, наспех дожевывая, устремился к Маргарите, протянул ей руку, и Маргарита стала танцевать с ним.

– Вы бы прожевали... – сказала она.

– Та я вжэ... – сказал Василий и икнул.

– Дать воды? – спросила она.

– Ик... – сказал он. – Пробачтэ... Ик...

Маргарита перешла к Арсену, а Илья налил воду Василию.

Танцуя с Арсеном, Маргарита спросила:

– А вы в каком ресторане повар?

– В армянском, конечно.

– Я понимаю. А как называется? «Арагви»?

– «Арагви» – это грузинский. У меня «Севан»! Я вас приглашаю.

Пока Маргарита и Арсен танцевали, Сергей Альбертович втихую налил всем ерша – пиво с водкой. Всем, кроме себя.

– А какое у вас самое вкусное блюдо? – продолжала допрашивать Арсена Маргарита.

– У меня все вкусно! – сказал он.

– А я знаете что люблю? Такие маленькие голубцы с мясом...

– Долма называется. Я тебе сделаю.

– И такие хрустящие цыплята...

– Табака. – Арсен прижал Маргариту к себе. – Королева, я тебе такой табака сделаю!

– И варенье из этой... из айвы...

– Ай-ва! – сладостно произнес Арсен, опуская руку ниже ее талии. – Такой айва сделаю!

– А еще знаете, что я люблю? Этот... как его... бешбармак!

Тут Арсен отпустил Маргариту. Сказал возмущенно:

– Я не понимаю, мой брат тебя что, в азербайджанский ресторан водил?

– Это я ее в азербайджанский водил! – нагло вмешался Альбертович и увел Маргариту. – Сейчас мой танец. Но сначала... Мужики, у меня еще тост! Я предлагаю... Нет, я требую выпить за самую красивую, самую замечательную и самую сексапильную женщину в мире – за нашу Риту-Маргариту!

– Да перестаньте вы... – смутилась Маргарита.

– Мужики, встали! – приказал Альбертович. – Взяли стаканы!
Все встали.
– Стаканы на уровне женской груди! – приказал Альбертович. – За Маргариту – залпом! – под наше трехкратное раскатистое «ура»!
– Ура! Ура! Ура! – хором поддержали все.
И залпом выпили.
Правда, Илья тут же закашлялся.
– Что это? Ужас! – И, подавляя рвоту, убежал в санузел.
– Ерш, – с отвращением сказал Арсен.
– Не ерш, а молотовский коктейль! – уточнил Альбертович и взял Маргариту за локоть: – Теперь танцуем!
Она подчинилась.
Василий спешно закусил ерш колбасой, а Арсен запил водой.
Из санузла было слышно, как там спускают воду.
Сергей в танце подвел Маргариту к спальне и одним движением втолкнул ее туда.
– Сергей Альбер... – пискнула Маргарита.
– Тихо! – приказал он, закрывая дверь.
– Кажись, вин ее будэ зараз... – сказал Василий.
– Ему положено, – философски заметил Арсен и глянул на часы.
– Чому цэ йому положено? – спросил Василий.
– Титульная нация.
Из санузла продолжал доноситься шум постоянно обрушивающейся воды.
Из спальни вышел Сергей Альбертович.
– Уже! – изумился Арсен, глянув на часы.
Альбертович, самодовольно улыбаясь, подошел к столу.
– Нет, я не понял, – сказал ему Арсен. – Пять секунд!
– Пять секунд, пять секунд... – под Гурченко запел Альбертович, сядя за стол и наливая себе полный стакан водки. – Дело мастера боится!.. – И залпом выпил.
– Ни, я тэж не розумию, – сказал ему Василий, – воно там шось було чы нэ було?
– Було, було, – заверил его Сергей Альбертович и тут же заснул, да еще с храпом.
Василий молчал, но видно было, что сообщение Альбертовича произвело на него большое впечатление – он стал наливать краской, как гидропонный помидор.
Тут из санузла послышался очередной спуск воды, и оттуда, утирая лицо, вышел Илья.
Подойдя к столу, он выпил полный стакан воды и посмотрел на спящего Сергея Альбертовича.
– Так, этот уже готов. А где Маргарита?
Но ответа не понадобилось – из спальни взвинченной походкой вышла Рита и нервно сказала Арсену:
– Арсен, налейте мне водки!
Арсен галантно налил, и Рита залпом выпила.
Однако то ли Василий дозрел в своем возмущении, то ли он понял эту ситуацию по-своему, только, развернувшись к Рите, он вдруг сказал:
– Рита, а я тэж титульна нация!
– Это вы к чему, Василий Гаевич? – удивилась Рита.
– Ты сама знаешь.
– Не понимаю, – сказала Рита, беря со стола какую-то закуску.
Василий не колеблясь пошел до конца и, показав на спящего Альбертовича, сказал ей в упор:
– Ну, ты йому зараз дала?

– Что? Что ты сказал? – тут же вскочил Илья.

А Маргарита с криком «Вон! Мерзавец!» схватила велосипед Василия и потащила к выходу, продолжая кричать:

– Пошел отсюда! Вон!!!

– Нет, повтори, что ты сказал! – требовал Илья от Василия.

Но Василий небрежно отмахнулся:

– Та пишов ты!..

Однако Илья с неожиданной силой схватил Василия за грудки.

– Повтори, сука! Что ты сказал?

Василий грубо оттолкнул его:

– Отвали, жидяра!

Илья коленом саданул Василия в пах. От боли Василий прогнулся вперед, и Илья тут же саданул его по затылку с такой силой, что Василий упал. Илья замахнулся ногой, чтобы добить его, но тут вмешались Арсен и Маргарита:

– Стоп! Хватит! Убьешь!

– И убью! – сказал Илья в бешенстве. – Сволочь...

Оттаскивая Илью от хрипящего Василия, Маргарита удивленно спросила:

– Где ты так научился?

– В армии, где же еще? – сказал тот, жадно выпивая воду.

– Ты что, в армии был?

– Ну, был...

– В какой? Когда?

Василий, держась за пах, со стоном катался по полу и матерился.

– Ну в какой, в какой... – нехотя сказал Илья. – В израильской, сержантом.

– Да ладно! – не поверила Маргарита.

– Правда, что ли? – спросил Арсен.

– Правда... – сказал Илья.

– Ты был в Израиле и вернулся? – изумился Арсен.

– Ну вернулся...

– Зачем? – спросил Арсен.

– Потому что... – сказал Илья.

– Почему, Илья? – спросила Маргарита. – Там что, плохо?

– Нет, там хорошо.

– А почему вернулся? Скажи! – настаивал Арсен.

– Ну, потому что достали! – с досадой ответил Илья. – В армии в душ нельзя было пойти, все приставали: «Ой, у тебя необрезанный! Сделай обрезание! Сделай обрезание!» Я говорю: «Да пошли вы!» У меня две награды за ливанскую войну, итур хаоз – за мужество. А они все равно: «Сделай обрезание!» Ушел из армии, живу в Натании, но и там – только придешь в баню: «Илья, ты опять с необрезанным?! Когда обрежешься?» Я говорю: «Какое вам дело? Я еврей и горжусь, что еврей! Но есть же предел! Почему я должен член резать?» Но уже вся Натания знает, что у меня не обрезан, и даже на улице вместо «шолом» снова этот еврейский расизм: «Илья, когда обрежешься? Когда обрежешься?» Достали так – плюнул и вернулся в Россию.

Василий, все еще лежа на полу и держась за пах, расхохотался.

– Что ты хохочешь? – удивился Илья.

– Ой, здохну зараз! – продолжал смеяться Василий.

– От чего ты сдохнешь?

– А тому шо весь ваш Израил, – поднялся Василий, – не коштуе одного едыного хера! –

Налил всем самогон и протянул один из стаканов Илье. – От за цэ и выпьем!

– Не буду я с тобой пить! – ответил Илья. – Иди ты...

– Никуды я нэ пиду. – Василий залпом выпил и брякнулся на колени перед Маргаритой: – Рита, пробач мэнэ, дурня!

– Отстань! – отошла от него Маргарита.

Но Василий пошел за ней на коленях:

– Ни, я нэ встану, поky нэ пробачиш!

– Рита, – сказал Илья, – а что у вас там было с Сергеем?

– Ничё не было! – нервно ответила Маргарита.

– А чё он вырубился?

– Откуда я знаю? Перепил, наверно.

– Странно... – сказал Илья. – Мы ерша выпили – и ничего. А он...

Громкая мелодия «Хава нагила» вмешалась в этот разговор. Это звонил мобильный Илья. Он достал трубку и отошел с ней от стола.

– Шолом, якира! – сказал он на иврите. – Ани бэ педсовет. Манаэлэт йодат, цэ магия министр образования, кару этхакулям ле педсовет. Ло, рак от шаа ани магия хабайта! Бэсэда, шолом!

– Между прочим, – сказал ему Арсен, – педсоветы тоже нужно с шашлыками проводить.

– Ты что, иврит понимаешь? – спросил Илья.

– Иврит не понимаю. Педсовет понимаю. Что ты еще мог жене сказать?

– Твое щастя, шо по телефону запах нэ пэрэдається, – заметил Илье Василий.

– А кто у тебя жена? – спросила Маргарита. – Израильтянка?

– Ну... – подтвердил Илья.

– И сюда приехала? – не поверил Арсен.

Илья пожал плечами:

– А что тут такого?

– Нет, просто спрашиваю, да...

Тут у Арсена зазвонил мобильный.

– Так, началось, – сказал Илья. – Интересно, а какой у повара педсовет?

Арсен в телефон заговорил по-армянски и по-русски:

– Джана, инз штап танчелен. Воровэтэв Путинэ петке га ынтрики. Ну, Путин приедет ужинать... Ум хэт? Инч ес иманам ум хэт? А ты откуда знаешь, что с ней? Не знаю, когда буду. Ду инкет эл дидэс минчев иранк хац чутэн...

– Гений! – сказал Илья. – Путин в его ресторан приедет! И он теперь до ночи свободен!

– Между прочим, – сказал Арсен, пряча телефон. – Если ты учитель литературы, у меня есть литературный вопрос. Нет, серьезно. Вот у нас, армян, такого нет, чтобы один армянин другого армянина публично позорил, писал про него всякие гадости. И тем более – писатель про писателя, такое у нас вообще невозможно. А у вас, евреев...

– А что у нас, евреев? – насторожился Илья.

– Ну, я вот книжку купил одного вашего писателя, как его фамилия? Не то Велюр, не то Вельвет. Не важно. Так он там всех ваших-неваших налево и направо так грязью поливает!.. Кобзон у него гангстер. Светлов и Казаков – алкоголики, Ахмадулина мужиков публично трахает. И главное, книжка-то дрянь, вся из дешевых анекдотов сварена, я из крапивы вкуснее суп приготовлю...

– Я знаю, о ком вы говорите, – грустно сказал Илья. – Сейчас в книжных магазинах огромное количество макулатуры. Это как паленая водка. Ведь настоящую водку сделать не просто. Вода нужна ключевая, чистейшая, спирт из отборной пшеницы. И то же самое в литературе. Талант нужно иметь отборный, мастерство настоящее и чистую сердечную энергетику – обязательно. Поскольку ни злобой, ни завистью ничего, кроме яда, создать невозможно. А у нас большинство писак почему и чем сочиняют? Завистью к большим талантам. И чтобы себя возвысить, пытаются унижить тех, кому завидуют. Это сплошь да рядом. Вот был такой

талант Эфраим Севела, написал замечательную книгу «Легенды Инвалидной улицы». А следом за ним тут же пошли «Легенды Невского проспекта», «Легенды Арбата». Вторичка! Но люди это кушают, потому что пережеванное, да еще с острым соусом из дешевых острот куда легче усваивается. А издатели этим пользуются – тискают это фуфло огромными тиражами и прикармливают народ не к настоящей литературе, а именно к жвачке. Как к фаст-фуду и гамбургерам, которые на самом деле просто отравы.

– Но я ж тебя не об этом спросил, – сказал Арсен, терпеливо выслушав.

– А о чем?

– О том, что ни армяне, ни повара друг друга никогда не хают. Во всяком случае, публично. А у вас, евреев...

– Знаешь, – сказал Илья, – я, когда жил в Израиле, тоже возмущался – как так, почему в Израиле есть публичные дома? И знаешь, что мне сказали? Что мы наконец стали полноценной нацией – у нас теперь свои наркоманы, свои проститутки, свои бандиты и свои подонки. По полной программе!

Тут проснулся Сергей Альбертович, обвел всех протрезвевшим взором:

– Так! Вы чё тут сидите?! Вы сюда что – трахаться приехали? А ну за работу!

Встал, открыл все банки с красками и со шпаклевкой и продолжил:

– Давайте! Давайте! Ты, учитель! Становись на шпаклевку! Армен, обдирай старые обои! А ты, хохол, валиком красить будешь! Давайте! Поехали! Маргарита, освобождай стол! Уноси все, а то они тут до завтра будут сидеть!

Все послушно принялись за работу, Маргарита понесла на кухню остатки трапезы. Альбертович пошел за ней, но она остановилась:

– Не подходите!

– Не подхожу, не подхожу, – сказал он. – Ты сюда дверь хотела навесить. Где она?

– Дверь на балконе, под ковром.

– Учитель! – позвал Альбертович, направляясь к балкону. – Иди сюда!

Но Илья не отозвался.

Альбертович попытался вытащить дверь из-под прогнившего ковра и ящиков с пустыми бутылками, но ему это не удалось, и он снова позвал Илью:

– Ну иди сюда, сержант! Помоги!

Илья подошел:

– Я не понимаю, почему ты меня цепляешь?

– Давай снимем эти ящики.

Вдвоем они сняли с ковра тяжелые пыльные ящики.

– Ничё я не цепляю, – примирительно сказал Альбертович. – И вообще, у меня была одна жидовочка – такое со мной творила! Особенно в партере! Бесконечно! Даже по утрам! Я бреюсь, а она станет на коленки и... Сердце останавливалось, сука буду! А по ночам... У нее там чё-то так сжималось, так сжималось! Помпа! Не, наши так не могут! Но уехала, сука, в Америку! Может, вернется, как думаешь?

– Не вернется, – жестко отрезал Илья.

– Но ты же вернулся.

Илья усмехнулся:

– Я ж не к тебе вернулся.

– А ко мне, ты считаешь...

– А к тебе ни одна баба не вернется.

– Это еще почему? Давай, потащили ковер...

Помогая оттащить свернутый в рулон ковер, накрывающий дверь, Илья сказал:

– Как по-твоему: почему в Армении практически нет никого, кроме армян. Арсен, я не прав?

– Ну, в общем, прав... – подтвердил Арсен.

– Почему? – спросил Альбертович.

– А потому что армяне, – сказал Илья, – своих баб так любят, что им другие мужики не нужны. А вы так умеете любить? Вот ты кого любишь? Конкретно?

– Ну, мало ли...

– Вот именно что «мало»! А вот если бы вы своих баб много любили... Первые евреи в России знаешь когда появились? В Киеве в 941 году. Хазары, торговцы. И уже через год там такое началось! Киевский князь издал указ – чья жена будет замечена, что «бегают до жидов», тот десять гривен в казну должен штраф платить. Вот если бы сейчас был такой закон, как думаешь, сколько в госбюджете денег было бы?

Альбертович не ответил, а, опустив свой край двери на пол, подошел к Илье.

– Вот сколько! – И сильнейшим ударом сшиб Илью на пол.

Но Илья тут же вскочил и бросился на Альбертовича.

– Убью!..

Драка началась нешуточная, и по ходу ее со стола полетела посуда, вдребезги разлетелась пивная бутылка и тарелка с какой-то закуской.

Все, конечно, бросились их разнимать – Маргарита повисла на Илье, Василий и Арсен – на Сергее Альбертовиче.

– Пустите! – рвался окровавленный Альбертович. – Я его удавлю, гада!

– Илюшенька, не надо! – кричала Маргарита, висая на Илье, у которого кровь капала с разбитой губы.

– Та почекайтэ вы оба! – просил Василий.

– Все! Все! Успокойтесь! – распоряжался Арсен. – Маргарита, йод! Йод давай!

– Да нету йода! – запаниковала Маргарита. – Боже мой! Кровь!

– Тащи самогон! – приказал ей Василий.

Держа рукой кровоточащий висок, Альбертович кричал Илье:

– Сука, ты за это ответишь! У меня депутатская неприкосновенность!

– А у меня двойное гражданство! – отвечал Илья.

Маргарита сбегала на кухню за самогомом, смочила им салфетку, приложила к виску Сергея Альбертовича. Альбертович взвыл от боли, выхватил у Маргариты бутылку, хватанул прямо из горла.

– Ох ты! Хорош! – выдохнул он.

– А мэни? – потребовал Василий.

Маргарита налила Василию в стакан, он выпил и крякнул от удовольствия.

– Попробовать, что ли? – сказал Арсен.

Маргарита налила и Арсену, тот тоже выпил и сказал:

– Не коньяк, конечно, но...

Илья молча протянул руку с пустым стаканом. Маргарита налила, посмотрела, как он выпил, и решила:

– Тогда и я...

Выпила и аж задохнулась:

– О!.. Ой...

– Рита, а где твоя гитара? – спросил Илья.

– Нет у меня гитары, Илюша, – горестно сообщила Маргарита. – Давно уже...

– А правда, ты ж на гитаре играла, – заметил Альбертович. – Я помню...

– И я тэбэ за твою гитару покохав, – вспомнил Василий.

– Я тебе подарю гитару, Рита, – сказал Арсен. – Самую лучшую гитару подарю!

– Опять начинается – «я», «я»! – возмутился Альбертович. – МЫ подарим! Понял, Армен? Скинемся и подарим. Скинемся?

– Конечно, – сказал Илья.

– А тебя не спрашивали, – бросил ему Альбертович.

Но Илья пропустил это мимо ушей, он уже пел, подойдя к Маргарите:

– Изгиб гитары желтой ты обнимаешь нежно...

– Струна осколком эха, – подхватила Маргарита, увлекая Илью в танец, – пронзит тугую
высь...

Вальсируя, они пели уже вдвоем:

– Качнется купол неба большой и звездно-снежный...

– Как здорово, – вступил Василий, – что все мы здесь сегодня собрались...

Альбертович, с ненавистью глядя на Илью, налил себе еще самогона.

Продолжая танцевать, Маргарита крикнула:

– Давайте! Все! Качнется купол неба большой и звездно-снежный...

И все, кроме Альбертовича, запели хором:

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

Но в это время Альбертович опорожнил стакан и, тут же захмелев, прервал песню:

– Стоп! Ты, пало! – крикнул он Илье. – Ты чё тут про русских выступал?

– Ну хватит, Сергей Альбертович... – примирительно сказала Маргарита.

– Это тебе хватит, – огрызнулся Альбертович. – А я депутат.

И, достав мобильник, стал набирать какой-то номер.

– Вы куда звоните? – подозрительно спросила Маргарита.

– Куда надо, – снова отрезал Альбертович и сказал в телефон: – Алло! Милиция?

Девушка, запишите адрес: Айвазовского, 5, квартира...

Но договорить не успел – Маргарита бросилась к нему, стала отнимать телефон:

– Не смейте! Стоп!

Альбертович поднял руку с телефоном, чтобы Рита не могла достать, и тут, словно подтверждая ее испуг, раздался настойчивый звонок в дверь.

– Уже пришли? – изумился Василий. – Швыдко у вас!

Все переглянулись, а звонок повторился еще настойчивее.

Но все молчали.

Дверь тем не менее открылась, и в проеме возникло молодое мужское лицо.

– Соседи, – сказала это лицо, – а чё это тут у вас?

– А ты кто? – спросил Сергей Альбертович.

– Петр Трофимов, сосед снизу, – представилось лицо. – Я слышу, тут дымом пахнет,
шум...

– И мясом, – усмехнулся Илья. – Студент?

– Ага, – сказал Трофимов, двигаясь к столу. – А вы откуда знаете?

– А я учитель литературы. «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали!» Правильно?

– Дался вам этот Чехов! Будьте здоровы! – сказал Трофимов и выпил чей-то недопитый
стакан с водкой.

– Не понял, – сказал Сергей Альбертович. – При чем тут Чехов?

– Чехов – это наше все! – ответил Илья и кивнул Арсену на Трофимова: – Дай ему заку-
сить.

– А чё это у вас кровь? – спросил Трофимов Альбертовича.

– Нет, я про Чехова не понял, – сказал ему Альбертович.

– А у меня маманя двинутая на театре, – объяснил Трофимов, рыская глазами про
столу. – Вот и назвала меня Петей, по Чехову. Мучаюсь всю жизнь. Задолбали эти интелли-
генты. Каждый свои знания показывает.

Арсен принес с кухни тарелки с мясом и овощами. Трофимов взял огурец, с хрустом откусил и продолжил:

– Но, слава Богу, в театры теперь все меньше ходят, – и снова налил себе самогона. – Можно? – Выпил, не дожидаясь ответа, и крикнул: – Золото! – И повернулся к Василию: – С Украины?

Заметив на полу осколки разбитой бутылки, а на столе окровавленный ватный тампон, осторожно – салфеткой – поднял тампон, осмотрел, перевел взгляд на разбитую губу Ильи, а затем – на окровавленный висок Сергея:

– Та-ак... Интересно... У вас тут драка была...

– Нет-нет! – поспешила Маргарита. – Какая драка? Вы кушайте...

– А ты, случайно, не студент юрфака? – спросил Арсен.

– Я курсант Академии МВД, – гордо заявил Трофимов. – Практику прохожу в следственном департаменте.

– Чеховский студент стал ментом. Нормально! – заметил Илья.

– Ну, я пишов, Маргарит, – сказал Василий. – У мэнэ велогонка.

– Мне тоже пора... – заявил Арсен и для убедительности посмотрел на часы.

– Минуточку! – сказал Трофимов. – Ваши документы, пожалуйста!

– С чего это? – возмутился Альбертович. – Ты кто такой?

Но Трофимов не оплошал – показал красное удостоверение:

– Прапорщик милиции и помощник следователя. Тут была драка с нанесением ран, угрожающих жизни. У вас ранение в голову, у товарища губа разбита. – И Трофимов достал блокнот из пиджачного кармана. – Я должен снять показания и составить протокол. Во-первых, чья это квартира?

– Слушай, курсант, – сказал Альбертович и достал депутатское удостоверение. – Я депутат. Видишь? Поэтому кончай эту бодягу и вали отсюда.

Но оказалось, что этого юного Пинкертон смутить невозможно. Он взял у Альбертовича его удостоверение:

– Депутат? Интересно... – Сел и стал переписывать себе в блокнот: – Зарубин Сергей Альбертович... Это ваша квартира?

– Отдай ксиву, пацан! – попытался Альбертович забрать свои «корочки».

Но Трофимов не отдал.

– Минуточку. Квартира ваша?

– Ну моя... – после паузы сказала Маргарита.

– Замечательно, – произнес Трофимов. – Документы.

– Ну, я ее снимаю...

– Очень хорошо. – Трофимов взял огурец из тарелки. – Паспорт и договор аренды.

– Слушай, парень! – не выдержал Альбертович. – Чё ты пристебался? Тебя же как человека приняли, налили, закусь дали. Чё те еще надо?

– Товарищ депутат, вы закон о регистрации граждан по месту жительства приняли? – спросил его Трофимов.

– Так я токо вселилась, я зарегистрируюсь, – сказала Маргарита.

– Вот именно, – заметил Трофимов, – только вселилась, а уже мангал на балконе, кровь, драка. Паспорт!

Маргарита принужденно подала свой паспорт:

– Да пожалуйста!

Сергей Альбертович стал звонить куда-то по телефону.

– Договор аренды, – потребовал Трофимов у Маргариты.

– Будет.

Листая ее паспорт, Трофимов усмехнулся:

– Ну вот, регистрация в области... – И, жуя огурец, стал переписывать в блокнот: – Фонарева Маргарита Ефимовна... А договора аренды нет. И таких в Москве двести тысяч! Двести тысяч квартиросдатчиков не платят налог с аренды своих квартир. А вы, товарищ депутат, приняли постановление привлекать их к уголовной ответственности. Вот я и привлеку – и хозяев тутошних, и гражданку Фонареву.

– Слушай, командир, – отодвинул всех Арсен, – давай по-хорошему договоримся...

– А по-хорошему – это как? – спросил Трофимов.

– Ну, сколько ты хочешь?

– Вы мне взятку предлагаете?

– Нет, я тебе любовь предлагаю! – с сарказмом сказал Арсен.

– Какую еще любовь? – не понял Трофимов.

– А ты какую любишь?

– Паспорт! – рявкнул Трофимов.

– А что, ты только паспортом любишь?

– Паспорт!!!

Арсен подал ему свой паспорт:

– Держи...

Альбертович в сердцах захлопнул свой телефон:

– Блин, суббота! Никому не дозвониться!

Пользуясь моментом, Василий попытался незаметно выкатить из квартиры свой велосипед.

Но Трофимов был бдителен.

– Куда?! Стоять! Документы!

– Так я ж на лосипеде! В мэне нэма ничего!

– Понятно... – Трофимов налил себе самогона и выпил. – Так... Ну что я могу сказать? Изучив обстоятельства дела, составляю протокол об организации гражданкой Фонаревой борделя в съемной квартире по адресу...

– Чего?! – возмутилась Маргарита.

– Ты что?? – воскликнул Илья. – Какого еще борделя?!

Трофимов, хмелея на глазах, заявил:

– Одна женщина, четыре мужика, ящик спиртного и драка с нанесением ран, опасных для жизни, – это что, по-вашему? Опера «Лебединое озеро»?

– Нет, – ответил Илья, – балет «Чио-Чио-сан».

Маргарита налила Трофимову в стакан, сказала вкрадчиво:

– Петя, мы же соседи. Я обещаю...

Трофимов пьяно уставился глазами на ее бедра.

– Так, соседка, вот эти все мешают мне исполнению обязанностей. Пошли-ка сюда для подписания протокола.

И, обняв Маргариту за талию, повел ее в спальню.

Маргарита, обернувшись, с мольбой посмотрела на мужчин.

– Идем, идем, – сказал Трофимов, – не бойсь...

Но Альбертович догнал их, схватил Трофимова за шкуру.

– Урод! Я тебе сейчас такой протокол!..

– А это уже статья, – сообщил Трофимов. – Нападение на сотрудника ми...

Альбертович не дослушал и с такой силой стукнул Трофимова головой о стену, что тот рухнул на пол и отключился.

– Ни хрена себе! – сказал Илья.

Маргарита испуганно бросилась к Трофимову:

– Петя! Петр! Алло! – Припала ухом к его груди и в панике зашептала: – Он не дышит! Ребята...

– И что теперь делать? – спросил Арсен.

– Ну, я пишов, – сказал Василий и покати к двери свой велосипед.

– Стой, «пишов»! – остановил его Арсен.

Илья, став на колени, стал проверять дыхание и сонную артерию Трофимова.

– Ну? – спросил Альбертович.

– Жив. Просто вырубился, – сообщил Илья, взял со стола бутылку самогона и стал лить его в рот Трофимова.

– Ты что делаешь?! – испугалась Маргарита.

– Правильно, – сказал Арсен, – пусть отдыхает. Надо думать, что с ним дальше делать.

– «Скорую» вызвать, – предложила Маргарита.

– Забудь! Еще чего! – сказал Илья и посмотрел на Альбертовича: – Ну, ты дал!

Василий попытался снова незаметно выкатить велосипед из квартиры, но Альбертович поймал в двери заднее колесо и вернул Василия вместе с ним.

Рита расплакалась:

– Всё, я пропала, блин! На хрена я вас позвала...

Альбертович взял Трофимова за левую руку.

– Так, Маргарита, бери его! Все! Все берите его! Поднимаем!

Все послушно подняли Трофимова за руки и ноги.

– А куда? – спросил Илья.

– Ну, он же под Ритой живет, – сказал Альбертович. – Отнесем и положим под дверь.

– Секунду, подождите. – Арсен вышел из квартиры и тут же вернулся. – Ничего не выйдет. Там у соседей пьянка, гости на площадке курят.

– И что ты предлагаешь? – спросил Альбертович.

– Не знаю... – сказал Арсен. – Ничего...

– Вот именно! А еще армян!

– Мужчины! Придумайте что-нибудь! – стала просить Маргарита. – Иначе меня выгонят из квартиры! А завтра дочка приезжает!

– А зачем ты его башкой об стену? – сказал Арсен Альбертовичу. – Даже депутатам нужно иногда думать, прежде чем...

– А ты хотел, чтоб он ее прямо тут, при нас? – спросил Альбертович.

– Нет, конечно, – сказал Арсен. – Ну, я бы его...

– Что? – спросил Илья.

– Ну, не знаю. Остановил...

– Как? За член схватил?

– Да перестаньте вы! – укорила их Маргарита. – В такой момент! Сергей Альбертович...

– А чё он? Умник! – ответил ей Альбертович и повернулся к Арсену: – Мы вас веками, блин, завоевывали, кровь проливали, а вы нас втихую тут оккупировали, и что? Толку от вас...

Маргарита подошла к Василию:

– Васенька, дорогой! Я тебя очень прошу! Увези покойника! Я тебе все, что хочешь...

– Як цэ «увези»? – изумился Василий.

– Маргарита! Ты гений! – вскричал Альбертович и повернулся к остальным. – Видишь, армян? И ты, израильская армия! Русская, а умней вас всех! Значит, так, Василий! Мы его кладем на раму. Ты его отсюда увозишь и где-нибудь... Понял?

– Та ни в жисть! – отказался Василий. – Шо я, прыдурок – мертвяка возыть?

Но тут все обступили Василия.

– Васенька! – сказала Маргарита. – Я тебя прошу! За-ради нашей Катеньки!

– Что? – изумился Илья.

– Та-ак... – сказал Альбертович. – Интересно...

– Та я ж його нэ бил! – оборонялся Василий.

– Вот именно, – сказал Арсен. – Ты не бил, а сядешь с нами...

– За групповое нападение, – объяснил Альбертович.

– И Катя останется без отца, – добавил Илья.

– Васенька! – умоляла Маргарита.

– Ни, я одын нэ пиду. Як я з ным?

– Почему один? – сообразил Илья и приказал всем: – Значит, так. Сажаем его на велик, а сами держим с обеих сторон. Как пьяного. Ну, взяли!

– Та я тики дочку прыхав побачыць... – растерянно сказал Василий.

Но Илья уже распоряжался:

– Маргарита, держи велик!

Маргарита взяла велосипед, Сергей, Илья и Арсен подняли Трофимова, посадили его на велосипедное седло и стали держать со всех сторон, чтоб не свалился. Правда, Маргарита не смогла удержать велосипед с Трофимовым, и он стал заваливаться набок.

– Вася, держи! – крикнула Маргарита.

Василий вынужденно перехватил у нее велосипедный руль и выпрямил велосипед.

– Вот, другое дело, – сказал Альбертович и поставил ноги Трофимова на педали. – Поехали!

Сергей, Арсен, Илья и Маргарита стали толкать к двери велик с Трофимовым.

Но Василий вдруг снова уперся:

– Ни! Куды вы мэне?

– Давай, давай! Лифтом и на улицу, – сказал Альбертович и спросил у Маргариты: – Где тут какой-нибудь парк?

– Парка нет, но есть стройка, – сообщила она. – Тут, рядом...

– Ну и все! – сказал Альбертович. – Он же пьяный. Шел, его пацаны долбанули и... – Но когда велосипед оказался у двери, остановил всех: – Стоп! Если его пацаны, то нужно ему карманы почистить. Маргарита!

– Нет, я боюсь, – отказалась Маргарита.

– Арсен!

– Я не могу, – сказал Арсен. – Я лицо кавказской национальности. Мне за это знаете...

– Илья! Быстро! – приказал Альбертович.

Илья, поколебавшись, запустил руку в карман Трофимова, попытался достать содержимое.

И вдруг Трофимов оглушающе чихнул.

Все в испуге отскочили, из кармана Трофимова высунулся край большой денежной пачки. А Трофимов, открыв глаза и чудом удержавшись на велосипеде, поехал на нем кругами по квартире.

– А ничё велик! – сказал он. – Где взяли?

Все потрясенно молчали.

– И вообще, это чья квартира? – спросил Трофимов.

Все молчали.

– Осколки на полу... – продолжал ездить Трофимов. – Чё тут случилось?

– А ты не помнишь? – осторожно спросил Арсен.

Трофимов остановился:

– Не-а... Ничё не помню...

– Видали? – усмехнулся Арсен. – Он не помнит!

– Это удобно, – заметил Илья.

– А як вин можэ пам'ятаты, колы вин бутылку горилки выпив? – объяснил Василий.

– Ты об меня бутылку разбил, – сказал Альбертович и показал запекшуюся кровь на своем виске. – Видишь?

– Я? – изумился Трофимов.

– А мне губу разбил, – сказал Илья.

– Милицию хотели вызвать, но пожалели тебя, дурака, – добавил Альбертович.

– Ты же студент, – объяснил Илья.

– Спасибо, товарищи! – растроганно сказал Трофимов. – Господи, вы меня извините, я курсант. А-а... А это самое... а из-за чего?

– Так из-за меня же, – сообщила Маргарита. – Ты ко мне приставал, в спальню потащил, Сергей Альбертович тебя останавливать, а ты его бутылкой по голове.

– А он депутат! – сказал Илья.

Трофимов ужаснулся:

– Правда, что ли?

– Так все свидетели, – сказал Альбертович, – пять человек!

– Ни, ну, хлопец выпив лышку, з кым нэ бувае? – примирительно сказал Василий. – Скильки тоби рокив, сынку?

– Двадцать три...

– Пробач його, Сэргэй Албэртывыч! – попросил Василий. – Вин тоби ще сгодыться...

– Нет, если я могу быть вам чем-то полезен... – поспешно сказал Трофимов.

– Можешь, – подтвердил Альбертович.

– Правда? Чем?

– У Маргариты регистрация в области. А ей нужно здесь.

– Да запросто! – обрадовался Трофимов. – Местный участковый – мой кореш, наш выпускник.

– Правда? – не поверила Маргарита. – Сделаешь? Дай я тя обниму, мальчик!

– Тихо! – остановил ее Илья. – Он тебя уже обнял недавно.

– Маргарита, это надо обмыть, – решил Альбертович. – Неси...

– Так уже ничего нет, – растерялась она. – Вы все съели.

Мелодия «Хава нагила» прервала этот диалог. Илья, отойдя с телефоном в сторону, ответил:

– Кэн, якара. Да, дорогая! Зэу одмэат сов. Все, скоро конец. Квар мэнахэль мэдабэр. Уже директор выступает...

А Маргарита принесла с кухни торт и выпивку.

Прислушиваясь к Илье, Трофимов подозрительно спросил:

– Это он на каком языке чешет?

– На арабском, – сказал Альбертович.

– А он что, араб?

– Еще какой! – сказала Маргарита.

– Уважаю, – сказал Трофимов и ушел в туалет.

– Торт нарежь, – приказал Арсену Альбертович.

Но Арсен поглядел на часы:

– Нет, я должен идти. Пока... – и пошел к выходу.

– Арсен, минуту! – остановил его Илья и, оглядываясь на закрытую дверь туалета, сказал приватно: – Ты не можешь уйти.

– Почему?

Илья кивнул на Трофимова:

– А если он все вспомнит?

– Ну и что?

– Сергей! Василий! Арсен хочет уйти...

– Я тэж... – сказал Василий.
– И мне пора, – сообщил Альбертович.
– Ага! – сказал Илья. – Мы уйдем, а он все вспомнит. И Маргариту...
– Вин усе вспомнит, якшо його еще раз башкой у стенку, – сказал Василий.
– Так чё нам тут? – спросил Альбертович. – До утра сидеть?
– Ну, до утра не до утра, но... – начал Илья, но тут из туалета послышался шум спускаемой воды, и оттуда вышел Трофимов.
– Что у вас тут, совет в Филях?
– В Ясенево, – уточнил Илья.
– У тебя бабки есть? – спросил Трофимова Арсен.
– Откуда? Я же курсант.
– Ты вспомни, – попросил Илья.
– Вон у тебя деньги вывалятся сейчас... – показал Альбертович.
– Ой, я и забыл! – Трофимов стал засовывать в карман пачку денег. – Спасибо.
– Ты не прячь, – приказал Альбертович. – Доставай!
– Давай, давай! – подтвердил Арсен.
– Швыдко! – присоединился Василий.
Смутившись и доставая пачку денег, перетянутую резинкой, Трофимов объяснил:
– Нет, я про них правда забыл!
– Ага, вин забув... – сказал Василий.
– Честное слово! – сказал Трофимов.
– Сколько? – кивнул на деньги Альбертович.
– А что? – испуганно спросил Трофимов.
Альбертович молча забрал у Трофимова деньги и начал их пересчитывать.
– Штука, две, три, четыре...
– Это не мои, гад буду! Я должен отдать. Пожалуйста! – взмолился Трофимов.
– А мы что, забираем, что ли? – сказал Альбертович. – Пять, шесть, семь, восемь...
– Просто мы тут скидывались, – объяснил Арсен.
– А ты прыйшов и усэ зыв и выпив, – сказал Василий.
– Возьми с него тыщу, – сказал Альбертовичу Арсен.
– Думаешь? – заколебался Альбертович.
– Ну, бедный парень, студент.
– И я тыщу добавлю, нам хватит, – сказал Арсен.
– Нет, ты понял, как к тебе люди относятся? – спросил Альбертович Трофимова и отнял от пачки одну тысячерублевку. – Штуку за мое ранение. Остальное держи.
– Спасибо. – Трофимов спрятал деньги. – Это не мои. Я должен отдать...
Но Альбертович уже не слушал его, говорил в свой телефон:
– Коля, алло! Еще одна ходка в супермаркет. Возьми всякой закуси на две тыщи. Ну, на свое усмотрение. Нет, горячее у нас есть. Все! Действуй!
– Ребята, вы чё? Опять? – испугалась Маргарита.
Илья кивнул ей на Трофимова:
– Ну а как?..
– Нет, ну вы хотя бы тут сделали чего! Я вас зачем позвала?
– Действительно, – согласился с ней Альбертович. – Мужики!
– Вперед! – воскликнул Илья, направляясь к краскам. – «Мы идем неудержимо к яркой звезде! Не отставай, друзья!»
Никто, однако, не оценил его эрудицию, Альбертович и приказал Трофимову:
– Женщине помочь надо! – И повернулся к Василию: – Василь, ты старший на покраске! Маргарита, покажи им, чё красить. Курсант, мы с тобой дверь вешаем. Взяли!

Сергей и Трофимов подняли дверь и стали навешивать ее в дверной раме на кухне. Остальные принялись за покраску стен.

– Стойте! – воскликнула Маргарита. – Почему эту стенку желтой? Я не хочу как в психушке!

– А мы-то все где живем? – спросил Альбертович.

Крася валиком стену, Илья сообщил:

– «Мы отстали по крайней мере лет на двести... Иной раз, когда не спится, я думаю: “Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...”»

– Это Чехов, – сказал Трофимов.

– Илья, ты можэш цього Чехова йому нэ нагадуваты? – попросил Василий.

– А это уже сто лет звучит со сцен во всем мире, – сказал Илья.

– И какой результат? – спросил Арсен.

– Никакого. У нас в школе учитель, тридцать два года, врачи обнаружили у него рак, назначили химиотерапию. И что вы думаете? В больнице на эту химиотерапию запись за месяц вперед. А если хотите без очереди – пожалуйста, за взятку в триста евро хоть завтра! Вы можете себе представить, чтобы сто лет назад врачи смертельно больным создавали очереди, чтобы драть с них деньги?

– А в Израиле не так? – спросил Альбертович.

– В Израиле воровства меньше, а бюрократии больше, – ответил Илья.

– А я думала, больше, чем у нас, уже не бывает, – сказала Маргарита.

– Бывает, но дело не в этом, – заметил Арсен. – Просто весь мир – это один котел. Мы все вместе варимся. Если ты в одном месте пересолил, весь котел уже можешь выбросить!

– А нам один генерал, профессор экономики, еще короче объяснил, – сказал Трофимов. – Он говорит: с тех пор как убрали железный занавес, весь мир стал общим рынком. А как он работает? По принципу канализационных труб. То есть наше дерьмо в первую очередь всплывает в Америке, а их дерьмо у нас. Это и называется общий рынок.

– Гарно вас вчат экономике! – заметил Василий.

Коля, водитель Альбертовича, возник в двери с пакетами и коробками из супермаркета. Все сгрудились вокруг стола, стали вскрывать эти пакеты и коробки.

– Ой, паштет!.. Салат!.. Колбаса!.. Сыр!.. Оливье!.. Печенка!.. Селедка под шубой!.. Соленые помидоры!..

– Серега, наливай! – возбудился Илья.

Альбертович разлил по стаканам.

Каждый обильно накладывал себе закуски в тарелки.

– У меня тост! – заявил Илья.

– Валяй! – разрешил Альбертович.

– Я предлагаю выпить за «Братство Маргариты»!

– Не понял, – сказал Арсен.

– А что тут не понять? – ответил Илья. – Вот нас тут пять мужиков, которые ее хотят...

– Илья! – укорила Маргарита.

– Иначе нас бы тут не было, – продолжал он. – Вот я и предлагаю: за наше мужское братство! Кто «за», поднять стаканы!

Все – один за другим – подняли.

– Гордись! – сказал Маргарите Илья и повернулся к остальным: – Выпили!

Все, конечно, выпили.

– И с этой минуты, – заявил Илья, – мы как мушкетеры: один за всех, все за одну – за Маргариту! Договорились?

– Еврей, а соображает! – заметил Альбертович. – Ладно, сержант, я тебя прощаю.

- А за Катю? – сказала Маргарита.
- А Катя – это кто? – спросил Трофимов.
- Моя дочка, – сказала Маргарита.
- Твоя невеста, – сказал Трофимову Арсен.
- А что? – сказал Альбертович. – Пятнадцать лет разницы – как раз, самое то! Сделаешь теще прописку и...
- Тут у Маргариты опять запел мобильник.
- Аллю! – ответила она и ушла с ним на кухню.
- Так, – сказал Альбертович, – еще один!
- Арсен посмотрел на часы:
- Наверно, тот, с кем она теперь.
- Откуда знаешь? – ревниво спросил Альбертович.
- В такой время кто еще может ей звонить?
- Маргарита! – крикнул Илья. – Пусть он приезжает! Чего уж! – И повернулся к Василию: – Ты, я понимаю, как я, – тоже из прошлого.
- Я дочку прыхав побачить, – сообщил тот.
- Слушай, Вася, – сказал Альбертович, – перестань выстебываться! Говори по-русски!
- Я по-вашему нэ могу, – ответил Василий.
- Ну нам-то не физди! – возразил ему Илья.
- О! Вот это учитель русского языка! – заметил Альбертович.
- Нет, но это же возмутительно! – сказал Василию Илья. – Я могу на коньяк забить: если бы ты не говорил по-русски, Маргарита бы с тобой никогда не легла! Забьем? Ну!
- Нет, конечно, – принужденно улыбнулся Василий.
- А ты вообще свою дочку видел когда-нибудь?
- Ни...
- Как это? Не видел?! – изумился Трофимов.
- Ну, так получилось, – сказал Василий.
- Колись! – приказал ему Альбертович.
- Ну, я моряк, плавал на круизном, пока у нас туризм був... – начал объяснять Василий.
- Пока туризм был, понятно, – перевел Илья.
- А Маргарита была в рейсе туристкой, – продолжил Василий.
- И много у тебя детей от таких круизов? – поинтересовался Арсен.
- Нет, только Катя...
- Нам-то не заливай! – сказал Альбертович.
- Клянусь! В том-то и дело! У меня ни с кем не получалось, даже с жинкой...
- То есть с женой? – уточнил Илья.
- Ну да! Я и Маргарите не поверил. Но у меня вот тут родинка под мышкой. – Василий поднял руку и оголил рукав. – Бачытэ?
- Видим, – сказал Трофимов.
- А Маргарита говорит, у Кати тэж, в цём жэ мисти.
- И ты приехал проверить? – спросил Альбертович.
- Ни! Ну, то есть... – смешался Василий. – Просто я работу нашел... Ну, у нас же на Украине нэма работы. Я и завербовался на канадский танкер, буду от арабов у Канаду нефть возить. А там Сомали, пираты, хто знае – живой доплыву, не доплыву. Ну и решил перед плаваньем дочку побачить. А денег нэма, так я тренером у наших молодых лосипедистов...
- Из Киева?! – спросил Трофимов.
- Нет, с Одессы.
- Из Одессы в Москву? Сколько же ты ехал?
- Та нэ довго. Трое суток.

– И по такой жаре ты трое суток вез эту колбасу, которую мы съели? – возмутился Илья.

– Так а я ж ее не ел, – невпопад заявил Василий.

– Не понял, – сказал Илья. – А что ты ел?

– Ни, я ничего не ив. Я усё сюды привез, шоб с Маргаритой знайомство з дочкой отметить.

Все смолкли, переглянулись.

– Ты трое суток ехал и ничего не ел? – все-таки поинтересовался Альбертович.

– Так.

– А мы тут все сожрали... – сказал Илья.

Тут вошла Маргарита, сообщила:

– Мама звонила. Они приезжают в семь утра, поезд двадцатый, восьмой вагон, – и посмотрела на часы. – Сколько осталось? Господи, мне же тут мыть еще после вас! Мусор выносить...

– Мы вынесем, – сказал Илья.

Вновь грянула «Хава нагила».

– Алло! – сказал Илья в свой мобильный. – Якара омарти лях: ахшав ани ло яхол! Бэ бэйт-сефер эцлену Фурсенко. Да не фурсенка, а Фурсенко. Сар ахинух! А ты учи русский! Сар ахинух – это по-русски министр образования. Хинэ ху йошев бэ хэдэр шель мэнахэль, вэ аннахну кулям мэхаким. Он выступает, а мы сидим.

Издали донеслись раскаты грома.

– Гэшэм хазак, ани ёдэа, – сказал Илья. – Гэшем хазах – это по-русски сильный дождь. Аль тидаги – ничего не бойся.

Тут зазвонил мобильный Альбертовича.

– У Арсена Путин ужинает, – сказал он, – у Ильи – Фурсенко, а у меня... – и ответил в свой «Сони-Эриксон»: – Алло! Извини, я у Медведева... Нет, он всю нашу фракцию к себе на дачу вызвал. Я позвоню. Пока! – Дал отбой и спросил у всех: – Видите? Все-таки есть польза от правительства.

– А ты кому деньги должен отдать? – спросил Арсен у Трофимова.

– Ну... – уклончиво протянул тот.

– В нашем братстве секретов нет, – заметил ему Илья.

– Мы же договорились, – поддержал Василий.

– Ну, короче, это одни люди просили начальству передать, – нехотя сказал Трофимов.

– Чтобы дело закрыть. Так? – сказал Альбертович.

– Ну да...

– Я ж говорю, – сказал Илья, – сегодня без взятки ни в роддом, ни на кладбище!

– Мужчины! – вмешалась Маргарита. – Я хочу выпить за вас! За тебя, Илюша, за нашу с тобой школьную любовь! – И чокнулась с Ильей. – За тебя, Василий Гаевич! Хоть ты и сукин сын, но приехал на дочку посмотреть. И за то спасибо. – И чокнулась с Василием. – За вас, Сергей Альбертович! Если бы вы умели за женщинами ухаживать, все бы у нас могло по-другому быть. – И чокнулась с Альбертовичем. – И за вас, Арсен! Вкусно вы готовите, я к вам приду! Ну и за тебя, Петя! Хороший ты парень, только не пей. Будь здоров!

Маргарита выпила залпом, все дружно крикнули ей «Ура!» и тоже выпили.

Издали опять донеслись раскаты грома.

– Ой! – испугалась Маргарита и даже перекрестилась.

– Пусть сильнее грянет буря! – сказал Илья.

– Нет, не нужно, – сказала Маргарита.

– Ваш Горький уже одну бурю нам накликал, – сказал Арсен. – На сто лет хватило.

– У нас был Горький, – снова завелся Альбертович. – А у вас?

– А у нас Хачатурян! – гордо сказал Арсен, схватил со стола два ножа и, запев мелодию «Танца с саблями», стал танцевать, подступая к Маргарите и приглашая ее на танец.

Маргарита усмехнулась и охотно вступила в танец, ей явно нравилось танцевать с Арсеном.

Но Илья перебил, запел во весь голос:

– Хава нагила! Хава нагила!..

Продолжая петь, Илья пустился в пляс, и Маргарита с Арсеном стали танцевать с ним под эту песню.

Василий не выдержал, вприсядку выскочил перед Маргаритой:

– Ты ж мэнэ пидманула! Ты ж мэнэ пидвела! Ты ж мэнэ молодого З ума, з розума звела!

Илья, Арсен и Маргарита стали ему подтанцовывать, однако Альбертович недолго терпел эту самодеятельность.

– Союз нерушимый, – запел он во все горло, – республик свободных...

Трофимов тут же встал, подпевая: Сплотила навеки великая Русь...

Вдвоем они исполнили всерьез и торжественно: Да здравствует созданный дружбой народов Единый могучий Советский Союз! Славься, Отечество!..

– Все! Хватит! – вмешалась Маргарита. – Сейчас все соседи сбегутся! Утром мама с Катей приезжают, а мне их даже положить некуда.

– А я могу вам диван отдать, – вдруг сказал Трофимов.

Все глянули на него с удивлением.

– Ну, я тут одну мебельную фабрику проверял, – объяснил он смущенно, – так они мне столько мебели привезли! Три дивана, шкафы, мне ставить некуда. Очень хороший диван, раскладывается...

– Все-таки периодически нас нужно хорошенько стукнуть по голове, – заметил Илья.

– Что вы имеете в виду? – не понял Трофимов.

– А мы сразу в лучшую сторону меняемся. Наверно, потому и кризис случился, – сказал Илья и показал на небо: – Там, наверху, подумали и...

– Хватит Чехова! – заявил Альбертович. – Пошли за диваном!

– Действительно, – согласился Илья. – Пошли, пока он не передумал.

И все пошли из квартиры.

– Может, там еще чего лишнее... – сказала на ходу Маргарита.

Под новые раскаты грома и приближающейся грозы они спустились ниже этажом, в квартиру Трофимова, и несколько минут спустя Маргарита вернулась к себе с торшером и подносом. Следом за ней Сергей, Арсен, Василий, Илья и Трофимов втащили большой диван, поставили его посреди квартиры и разложили.

– Ну? Красота! – сказал Илья.

– Действительно, большой диван, красивый, – не верила своему счастью Маргарита.

– Станок! – сказал Альбертович. – Ну, теперь держись, Рита-Маргарита! На таком диване!..

– Вот что такое мужское братство! – сказал Илья. – И между прочим, должен вам сказать, такое братство есть вокруг каждой женщины. Не нужно никаких партий – социалистических, демократических, консервативных, либеральных. А нужна одна всемирная женская партия, которая исправит весь мир.

– Илюша, ты всегда был немножко романтик и немножко демагог, – заметила Маргарита.

– Нет, я не демагог! Мы, мужчины, для чего живем? Ради вас, женщин! Ради того, чтобы вы нас любили, мы совершаем геройские поступки и грабим банки, восходим на Памир и работаем на двух работах, делаем открытия и берем взятки, залезаем в долги и носим галстуки, летаем в космос и меняем носки – все ради того, чтобы нас любили те женщины, которых мы хотим. Или я не прав? Ты скажи, депутат!

– Тебе по телику нужно выступать, – сказал Альбертович.

– Но если это так, – гнул свое Илья, – и если все человечество воистину состоит из таких вот братств, то, может быть, именно женщины и смогут исправить мир? Останавливать нас, когда мы идем воровать, обманывать, брать и давать взятки. Может, они научат нас жить без этого? А, Маргарита?!

– Я немножко не понял, – сказал Арсен, – это ты опять Чехова цитировал? Или кого другого?

Где-то очень близко снова гроыхнул гром.

Маргарита, подумав, вдруг сказала задумчиво:

– Знаете, что я вам скажу? Уехала бы я отсюда! От всего... Боже мой, как бы я хотела уехать! Лежишь иногда ночью и думаешь: «Ё-моё, ну какого хрена я тут жизнь-то трачу? Почему никто не увезет меня куда-нибудь в Австралию? Или не знаю...»

– Не то говоришь, – сказал вдруг Арсен. – Здесь нужно менять. Почему здесь нельзя хоть одну копейку честно заработать? Ведь как хорошо можно было бы жить в России, если бы тут не воровали так, как воруют в России!

– А ты, Василий! – со слезами продолжала Маргарита. – Почему ты не увез меня? Мы с тобой мимо таких островов плыли! А вы, Сергей Альбертович? А ты, Илья? Почему? Почему ты меня тут бросил? Сволочь ты...

– Прости... – тихо сказал Илья.

– Нет, не прощу... – плакала Маргарита. – Никогда не прощу... Почему? Почему, Илюша?!

– Потому что трус... – ответил он. – Еврейский мальчик... Сначала, после школы, мама говорила: «Какой жениться?! У тебя нет высшего образования! Закончи институт...»

– А потом?

– А потом у тебя Катя появилась. Но я все равно... Но мама сказала: «Если ты женишься на этой гойке, я умру...» И они... они увезли меня в Израиль... От тебя...

– И ты там женился...

– Да, тебя любил и люблю. А на другой женился.

– Бывает... – сказал Арсен.

– Но мы хорошо живем, – сказал Илья, – у нас дети...

– И у нас могли бы быть... Дурак ты, Илюша!

– Я не дурак, я сволочь, – сказал Илья. И посмотрел вверх: – Господи!!!

А в ответ ему за окном полыхнула молния и гроыхнуло уже почти на Айвазовского.

– Господи, прости меня! – сказал Илья. – Барух Ата Адонай, элухэйну...

Альбертович стал звонить по своему мобильному:

– Коля, поднимись за мангалом... – И сказал Маргарите: – Стол тебе оставить, или как?

– Та нэ трэба, – сказал вдруг Василий. – Я куплю ей завтра.

– У тебя ж денег нет? – удивился Илья.

– На пьянку нет. А якусь-то мебель и кровать дочке куплю.

Тут пришел Коля, водитель Альбертовича.

– Собирайте стол, стулья, – приказал всем Альбертович и пошел на балкон. – Учитель, берем мангал.

Все принялись собирать складные стулья и стол, выносить их за дверь.

– Эй, учитель! Блин! – снова позвал с балкона Альбертович.

– Опять начинаешь? – спросил Илья, выходя к нему.

– А я чё сказал? Я тя обидел?

– Пока нет.

– Ну и все. Без базара. – Альбертович взял мангал с одной стороны. – Бери с той стороны. И давай так, братан. Все уходят. Чтоб никто тут не остался! По-честному. Зашиито?

– Зашито, – согласился Илья.
Вдвоем они вынесли мангал за дверь и вернулись.
– Ну что, Рита-Маргарита? – сказал Альбертович. – Посошок нальешь?
– А там осталось? – спросил Трофимов.
– Осталось, – сказала Маргарита и принесла поднос с текилой, солью и стаканами.
– О! Супер! – обрадовался Альбертович. – Допиваем и...
Маргарита разлила по стаканам остатки текилы.
Рядом с домом снова бабахнул гром.
– За Маргариту! – сказал Илья.
– За Катю! – добавил Альбертович.
– Дякую, спасибо, – сказал Василий. – За Катю.
– И за Маргариту, и за Катю, – обобщил Арсен.
– За Чехова! – сказал Трофимов.
– Это еще почему? – удивился Альбертович.
– А хороший был писатель, – объяснил Трофимов.
– «Муму» написал, – сказал Илья.
– Нет, «Муму», кажется, другой написал, – засомневался Трофимов.
– Петя, вы еще «Муму» не проходили, – заметила ему Маргарита.
– Ладно, поехали! – сказал Альбертович. – До дна!
Все выпили.
Гром.
– Всё, Маргарита, бывай! – сказал Альбертович и приказал всем: – Уходим! По-быстрому. Вася, бери свой велик.
– А куда мне? – сказал Василий. – Мне некуда...
Сергей взял велосипед и пошел к выходу:
– Ничё не знаю. Все уходим! Маргарита, Катя на какой вокзал приезжает?
– На Курский, – ответила Маргарита.
– Ну вот, Вася, ночуешь на Курском, утром дочку встретишь.
– Маргарита, – сказал Арсен, – ресторан «Севан», в любой время. Такой сделаю табака!
Выталкивая всех за дверь, Альбертович сказал Арсену:
– Пошли, пошли! Я те сделаю табака!
Закрыв за ними дверь, Маргарита оглядела беспорядок в квартире:
– Боже мой! Еще уборка! Нет моих сил...
И села на диван.
Снова шарахнул гром.
Маргарита выключила свет и калачиком устроилась на диване.
За окнами начался дождь, переходящий в ливень.
Под шум дождя Маргарита уснула, но через пару минут вскочила, включила свет. И увидела, как с потолка каплет на диван – все сильнее и сильнее.
– Ё-моё! – сказала она в сердцах, бегом принесла с кухни таз, поставила под капель с потолка. И заплакала: – Ну вот, сняла квартиру! Дура...
В дверь постучали.
– Кто там? – испугалась Маргарита.
– Это я, – сказал мужской голос. – Открой.
– Кто?
– А ты не узнаешь, что ли?
Маргарита, подумав, сказала сама себе:
– Господи! Так они сейчас все вернутся...

Май – сентябрь 2009

Япона коммуна, или Как японские военнопленные построили коммунизм в отдельно взятом сибирском лагере (по мемуарам японских военнопленных)

Киноповесть

Навстречу трудным ситуациям нужно бросаться храбро и с радостью. Помни поговорку: «Чем больше воды, тем выше корабль».
Из кодекса Бусидо

Много лет назад кто-то из моих читателей прислал мне удивительную рукопись бывшего японского военнопленного Ю. Ёсиды – написанная от руки, по-русски, с огромным количеством грамматических ошибок, она тем не менее так меня увлекла и очаровала, что я стал искать автора. А не найдя, начал собирать мемуары других японских военнопленных и даже разыскал одного из бывших оперуполномоченных НКВД по лагерям японских военнопленных в Сибири. Он рассказал мне много интересного из того, что никогда не было в печати – ни в российской, ни в японской. И весь этот материал лег в основу повести. А канвой ее стала рукопись Ю. Ёсиды, которого я считаю своим незнакомым японским соавтором.

От своего и от его имени посвящаю ее бывшим интернированным – так в Японии называют всех, кто побывал в советском плену.

Автор

9 августа 1945 года, с внезапного нарушения Красной Армией маньчжурской границы, началась советско-японская война, а через неделю, 15 августа, сразу после американской атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, император Хирохито подписал рескрипт о капитуляции Японии, и Квантунская армия в составе 670 000 человек разоружилась и сдалась советским войскам.

1

29 сентября, еще до рассвета, эшелон громыхнул сцепками вагонов и резко остановился. Все проснулись, в темноте слышались громкие удары по стенам вагонов и крики конвоиров: – Японцы, подъем! Выходи с вещами! Все – на выход! Быстро, японка мать! С вещами!

Юдзи Ёкояма, единственный среди пленных, кто понимал по-русски, поскольку в университете изучал русский язык, испуганно выскочил из вагона. Бегая с конвоирами по платформе, он сообщал пленным, что всё, они приехали. Вагонов было больше двадцати, и вскоре полторы тысячи пленных столпились перед эшеленом и с недоумением оглядывались по сторонам – почему их выгрузили на какой-то захолустной сибирской станции, когда там, в Маньчжурии, им говорили, что отвезут во Владивосток и отправят домой?

Наконец поднялось солнце, вокруг стало светло. Японцы стояли на травянистом пустыре, мокрым от утренней росы, и пораженно смотрели на местных жителей – своих победителей. Те окружали их со всех сторон, и их было очень много – старики, молодые, женщины, дети. Выглядели они ужасно нищенски. Впрочем, говорили меж собой японцы, как может быть богатым народ, который столько лет воевал с Германией?!

Но не успели они пожалеть своих победителей, как среди тех поднялся шум:

– Давай! Отдавай! Дай сюда!

Со всех сторон они набросились на пленных, стали требовать все, что видели, – часы, авторучки, одежду, фотоаппараты, даже туалетную бумагу. Особенно упорно вымогали у офицеров их офицерские сапоги. Смышленные поручик Хирокава и сержант Сакамото быстро обернули свои сапоги солдатскими обмотками, чтобы скрыть их. Но остальные были настолько растеряны, что местные жители буквально выхватывали у них все, до чего могли дотянуться, – шарфы, шапки, свитера...

Вдруг грянул оглушительный выстрел.

Японцы вздрогнули: что случилось?

Оказалось, конвоиры шарахнули в воздух, чтобы разогнать нападавших.

Японцы изумились еще больше – в Японии полиция никогда не применяет оружие по отношению к своему народу.

Но выстрел подействовал, местные жители отбежали от пленных и стали наблюдать за ними издалека.

Спустя какое-то время к пленным подошли седой майор и молодой щеголеватый лейтенант. Лейтенант приказал японцам построиться в колонну по пять человек в шеренге, пересчитал их и распорядился:

– Сто солдат остаются на месте, остальные – левое плечо вперед! За мной шагом марш!

– А почему сто остаются? – спросил у майора Юдзи.

– Не беспокойтесь. Они разгрузят вагоны и догонят нас.

Красноармейцы с винтовками и автоматами охраняли японцев спереди и сзади, молодой лейтенант цербером бегал вдоль колонны, покрикивая: «Не растягивайся! Шире шаг!» А Юдзи, шагая рядом с майором, спросил:

– Господин майор, скажите, пожалуйста, куда нас ведут? Сколько километров нам придется пройти?

– Тут недалеко, километров восемь, – сообщил майор.

– А что там?

– Там уютный лагерь. Поживете, пока придет приказ отправить вас на родину.

– А сколько ждать?

Тут к Юдзи подскочил молодой лейтенант, закричал:

– Молчать! Хватит спрашивать!

Поднявшись по отлогому холму, японцы обнаружили на горизонте, среди голой равнины, капоныры угольных шахт и небольшую деревню, а в стороне от них солдатские казармы и бараки, окруженные высоким забором. Из трубы одного из барачных корпусов поднимался дым. «Наверное, это и есть наше уютное жилище», – решили пленные...

Большие и тяжелые створки ворот открылись, возле них под березой стояли часовые с винтовками, пристальными взглядами они наблюдали, как японцы проходят в лагерь.

Меж тем японцы, входя в лагерь, волновались.

– Что это такое? – спрашивал сержант Сакамото.

– Куда нас ведут? – говорил повар Кинджо.

– Что тут сделают с нами? – вопрошал ефрейтор Сайто.

Однако старшие японские офицеры хранили молчание.

– Строиться! – приказал лейтенант и велел Юдзи перевести его команду: – Всем построиться на плацу!

Юдзи перевел, все построились.

Седой майор медленно прошел вдоль первого ряда, где стояли японские офицеры, и показал на подполковника Якогаву:

– По-моему, вы тут самый старший по званию. Так?

Юдзи перевел, подполковник ответил:

– Да, я подполковник Якогава, был командиром полка.

Майор сказал:

– Вниманию всех! Я – майор Красной Армии Новиков, начальник этого лагеря. Рядом со мной лейтенант Федоренко, он комиссар лагеря. С сегодняшнего дня мы ваши командиры. Вам, подполковник Якогава, вменяется в обязанность руководить всеми военнопленными на правах комбата – командира батальона. Ваша первая задача: разместить всех пленных по баракам и начать нормальную жизнь. Выполняйте приказ.

Тем временем на станции шла разгрузка прибывших с японцами снаряжения, продуктов и транспортных средств. Их было немало, ведь в Маньчжурии капитулировала хорошо оснащенная Квантунская армия. То есть вместе с японцами в грузовых вагонах и на отдельных платформах прибыли мешки и ящики с продуктами, зимним и летним обмундированием, даже быки и коровы были доставлены в этом эшелоне. Теперь все это перегрузили на японские грузовики, которые тоже прикатили сюда на грузовых платформах, и отправили часть в лагерь, а часть в Красноярск на армейские склады.

Впрочем, «все это» не совсем точные слова. Поскольку значительная часть «всего этого» была разворована охраной еще по дороге, а еще одна часть – при разгрузке...

В лагере первым делом начала работать кухня, ее возглавил полковой повар Кинджо. Одновременно поручик Хирокава, адъютант подполковника Якогавы, стал расселять по баракам японские роты и взводы. С помощью японских и русских медиков в отдельном бараке поместили больных и раненых. К вечеру Ёсида валился с ног от усталости, поскольку ему приходилось переводить сотни вопросов как с русской, так и с японской стороны – и та и другая не доверяли друг другу ни на грош.

Но, так или иначе, все 1500 японских солдат и офицеров были к ночи устроены, и наутро в штабе японских пленных состоялась встреча советских и японских офицеров.

2

Майор Новиков начал с того, что рассказал о себе.

– Мне сорок пять лет, – сказал он. – Когда я был молод, произошла революция. Я добровольно ушел в Красную Армию, был на фронтах, воевал с белыми. Но мне повезло – пули меня миновали, я не был даже ранен. – Он улыбнулся и продолжал: – В 41-м началась война, но, поскольку мне было уже сорок лет, меня не отправили на фронт, я служил в тылу. А после победы мне присвоили майорское звание и сделали начальником этого лагеря, теперь я с женой живу тут неподалеку в служебной квартире, в деревне Клювино. Думаю, мы с вами поладим. Конечно, если придет приказ отправить вас домой, мы вас тут же и отправим. С радостью. Но пока про такие приказы ничего не слышно, а зима на носу, и зимы у нас тут настоящие, сибирские. Так что готовьтесь...

Это привело японцев в ужас. Как? Неужели им придется зимовать в Сибири? Ведь они к этому не готовы! И какие они, сибирские зимы?

Майор Самэсима крикнул:

– Господа! Даже в международном договоре о военнопленных сказано, что после войны пленных немедленно возвращают на родину. Не может быть, чтобы советское руководство не знало об этом! Ведь в Маньчжурии при погрузке в вагоны советские офицеры обещали, что повезут нас домой!

– И вообще, почему мы должны тут жить? – возмущались другие офицеры. – Даже американцы уже возвращают наших в Японию! А ведь мы бомбили Перл-Харбор, утопили весь их флот!

– А русских мы вообще не трогали! За что нас привезли сюда?

– Как мы сможем жить тут зимой? Мы тут вообще как рыбы на кухонной разделочной доске! Наши жизни и смерти в руках Красной Армии!

Подполковник Якогава сказал:

– Господин майор, я не могу поверить своим ушам! Когда мы ехали из Маньчжурии, советское руководство обещало нам: «Скоро поедете домой, в Токио!» Выходит, они нас обманывали?!

Майор строго ответил:

– Подполковник, советское руководство не обманывает никого и никогда! Но «скоро» – это понятие растяжимое. Скоро может быть завтра, скоро может быть и через какое-то другое время. Ведь мы с вами не старики и жизнь длинная. Так что не нужно спешить. Сколько вам придется ждать, я не знаю, это знают только в Кремле. Зато я точно знаю, что зима грянет не «скоро», а буквально на днях, в октябре. А в ноябре придут настоящие морозы, лютые, вы в Японии таких не видели. Но если к ним хорошо подготовиться, то и сибирская зима станет для вас приятной и бодрящей. Так что давайте начинайте готовиться к встрече с зимним Генералом!

– Хорошо, господин майор, – сказал Якогава. – Я понял вас. Когда мы сдались вам в Маньчжурии, мы были одеты в летнее и думали, что через несколько дней окажемся дома, в Японии. Многие даже смену белья себе не захватили. Поэтому я сейчас же прикажу начать подготовку к зиме. Но и вы, я вас прошу, отправьте наше заявление в Кремль вашему генералиссимусу Сталину. Советское командование должно выполнять международные соглашения о военнопленных.

3

Неизвестно, отправил ли майор Новиков этот протест генералиссимусу Сталину, но в Красноярск за японскими теплыми вещами он буквально на следующий день послал несколько грузовиков, а также интендантов – своего лейтенанта Задярного и капитана Мацуду с несколькими солдатами-грузчиками.

Однако к вечеру половина грузовиков вернулись пустыми.

– Нас ограбили, – сказал капитан Мацуда переводчику Ёкояме. – Там половина Красноярска ходит в нашей одежде. Даже советские офицеры. Мы привезли только то, что там не успели украсть. Переведи это начальнику. Почему в России такое воровство?

Но переводить не пришлось. Из доклада Задярного майор и сам все понял, выругался такими русскими ругательствами, которых Юдзи никогда не слышал, и ушел в свой штаб.

А интенданты стали раздавать пленным ту теплую одежду, которую им удалось привезти.

Ко всеобщему удивлению, несколько ящиков с зимними шапками были совсем не тронуты. Наверное, потому, что они не меховые и не такие теплые, как русские, и еще потому, что у японских шапок есть наушники, которые можно поднимать, чтобы слышать приказы командиров. Для русских это было в диковинку, конвоиры долго вертели эти шапки в руках, разглядывали их, а потом приказали:

– Ну-ка наденьте, покажите, как это носят.

Японцы надели шапки, конвоиры посмотрели и приказали снова:

– Так. А теперь поднимите наушники! А теперь опустите! А теперь подпрыгивайте! И бегайте! Бегайте туда-сюда!

Ничего не поделаешь, сержанту Сакамото и другим пленным пришлось бегать. А конвоиры смотрели и смеялись:

– Ха-ха-ха! Смотри! Японцы как зайцы!..

Зато ящики с носками исчезли в Красноярске вчистую.

Правда, у конвоиров японцы никаких носков тоже не видели.

– То ли в России про носки не знают, – говорили пленные меж собой, – то ли их тут на всех не хватает.

Вместо носков конвоиры наматывали на ноги куски материи, которые называются «портянки», и японцам пришлось учиться этому искусству, причем многим эта учеба стоила очень болезненных мозолей.

Заодно японцы учились носить русские шерстяные сапоги – валенки. Они очень удобные и теплые, сообразили японцы, но совершенно не годятся для сырой и мокрой погоды. Если ступить в лужу, они тут же промокают. Перед входом в помещение с них обязательно нужно счищать снег. Иначе он в помещении растает и валенки промокнул. Поэтому русские, входя в дом, валенки обязательно снимают и кладут на самый верх печки сушиться. Это умно, решили японцы, а все, что умно, называется по-русски «смекалка».

Интендант Мацуда выбрал из японских солдат бывших портных и сапожников, собрал их в одну комнату и повесил на дверь табличку: «Мастерская». А интендант Задярный и его помощник ефрейтор Муров принесли швейную машинку и инструменты для сапожников. Не теряя времени, портные стали шить и перешивать теплую одежду, а сапожники чинить обувь. Другой проблемой стали тюфяки. Где взять для них солому, если уже октябрь, дует ледяной ветер и вот-вот пойдет снег?

Майор Новиков вспомнил, что на лесопилке есть гора опилок.

– Ничего не поделаешь, – сказал он. – Придется набивать ваши тюфяки опилками. Это все-таки лучше, чем ничего.

4

Лейтенант комиссар Федоренко вызвал переводчика Ёкояму и адъютанта Хирокаву:

– Завтра из Красноярска, из штаба округа, приедет майор Козлов, военный врач. Он проведет медосмотр всего лагеря и отберет людей, способных работать под землей, в шахтах. После осмотра тут же приступайте к формированию шахтерских бригад. Задание ясно?

– Извините, господин лейтенант, а почему мы должны работать в шахтах? Мы не пленные, мы незаконно интернированные и ждем возвращения в Японию.

– Вы находитесь на территории Советского Союза. А в Советском Союзе кто не работает, тот не ест. Это закон.

Вечером в японском штабе состоялось горячее обсуждение этой новости.

– Мы не рабы! – говорили офицеры. – Мы не должны работать в шахтах!

– Мы с ними не воевали, а сразу разоружились...

– Нас привезли сюда обманом! Это произвол! Нужно жаловаться в Москву!..

Комбат Якогава сказал:

– Наша Заречная – очень маленькая станция в огромной Сибири и очень далеко от Москвы. Когда и как дойдет наша жалоба до Москвы, неизвестно. Но судьба не ждет, пока человек сделает вдох и выдох. Если мы не пойдем на работу, нас перестанут кормить, а если поднимем восстание и нападём на склады, охрана может нас расстрелять. То есть мы в руках Красной Армии, они хозяева нашей жизни и смерти. Поэтому мы пойдем на работу в шахты, они нас сюда для того и привезли, теперь это ясно. А мы будем работать, чтобы выжить и все-таки вернуться домой. Помните кодекс самурая: думай только о цели – и для тебя не будет ничего невозможного.

На следующий день из Красноярска приехал военврач Козлов. Это был высокий худой мужчина с вытянутым собачьим лицом, пронзительным голосом и погонами майора медицинской службы.

Все поротно приходили к санчасти, раздевались догола, и майор проводил медосмотр таким образом – сначала смотрел на человека спереди и сзади, потом брал пальцами мышцу ягодицы и говорил: первая категория труда... вторая категория... третья... оздоровительная. В

соответствии с этой классификацией Юдзи в толстом журнале в списке японцев ставил против каждой фамилии цифры – 1, 2, 3 или писал букву «О». В перерыве он спросил у врача:

– А вы будете принимать больных и раненых?

– В лагере есть свой военврач – лейтенант Калинина. Принимать больных и раненых ее обязанность.

– Значит, вы приехали только классифицировать японцев?

Тут лейтенант Федоренко посмотрел на Юдзи так, что тот сразу умолк. Военврач Козлов за один день осмотрел полторы тысячи человек и вечером уехал. А наутро лейтенант Федоренко и майор Каминский, заместитель начальника лагеря, пришли в японский штаб с журналом личного состава лагеря и приказали:

– По этому списку немедленно сформируйте рабочие бригады. Люди первой и второй категории, все без исключения, идут в шахты для работы под землей. Люди третьей категории тоже идут в шахты на наружные, наземные работы. Людей оздоровительной категории оставить в лагере для внутренней работы.

Затем Каминский оставил в штабе только одного человека – переводчика Юдзи Ёкояму. И сказал ему:

– Значит, так! Если ты, бляха-муха, хочешь выжить, то будешь работать со мной и выполнять мои приказы. Понял?

– А что я должен делать, господин майор? – испугался Юдзи.

– В Маньчжурии вы, японцы, работали над бактериологическим оружием, пробовали его на китайцах. Не спорь, сука! Нам это точно известно! Так вот, ты, бля, поможешь мне найти этих ученых среди ваших пленных. Усек?

– Господин майор, в нашем полку не было никаких ученых! Мы пехота!

– Не п...зди! Все вы фашисты! У вас врачи есть? Есть! Вот и нужно проверить, чем они в Маньчжурии занимались! Я буду их допрашивать, а ты переводить. Понял?

5

Русский военврач Ирина Васильевна Калинина была незамужней, стройной и красивой женщиной. По ее словам, она, окончив мединститут, сразу же пошла в армию, защищала Москву и воевала на многих других фронтах.

Однажды Юдзи с улыбкой приветствовал ее:

– Здравствуйте, Ирина Васильевна!

Но она это строго пресекла:

– Я на военной службе. Вы должны называть меня «старший лейтенант».

Каждый день в санчасти она принимала японских больных и раненых, а в свободное время ходила по баракам и на кухню и постоянно твердила:

– Какая грязь! Везде грязь! Почему так грязно?

Юдзи возразил ей:

– Эти люди только что вернулись с работы, не успели умыться. Да у нас и умывальников нет. Где нам взять умывальники?

На следующий день она принесла длинные ящики, велела долбить в их днищах несколько дыр, сделать из них умывальники, повесить у входа в барак и регулярно наполнять водой.

А еще через несколько дней, победно улыбаясь, вошла в японский штаб:

– Юдзи Ёкояма! Смотрите! Я принесла парикмахерские инструменты! Ну-ка давайте быстренько найдите парикмахеров среди ваших и тут же начинайте стричь всех японцев!

Юдзи посмотрел на инструменты:

– Боже мой, мадам старший лейтенант! Это же для стрижки лошадей!

– Ничего! Какие есть! Всех постричь – это приказ! Ведь вас уже вши заели! А вши – это переносчики тифа!

Действительно, бараки были тесны для 1500 человек, и вши у японцев просто кишмя кишели. Хотя бы потому, что ничего тут не было оборудовано – ни душевых, ни ванн, ни даже места для стирки белья и одежды. Да что там места – воды и той не хватало, чтобы постирать или умыться.

В свободное время все японцы были заняты только одним – уничтожением вшей.

– Смотри, какая большая!

– А моя еще больше!

– Эти вши насосались моей крови, они теперь мои кровные родственники.

На швах белья вши откладывали яйца плотно, как четки, а когда японцы прокаливали белье на печи, то они трещали, как кунжут при жарке: пачь... пачь... пачь...

Военврач Калинина замучила японцев этой проблемой.

– Как мне извести ваших вшей?!

Наконец она нашла выход, и после работы (а японцы практически с первых дней стали работать на шахтах) их колонной повели в деревенскую баню.

Баня была небольшой, но уютной, японцы с наслаждением терли свои тела и смыли с них много грязи.

После этого, выходя в предбанник, все должны были строиться в шеренгу, и парикмахеры всем подряд брили головы и срамные места. Поскольку бритвы были тупые, многие вскрикивали от боли. Но приходилось терпеть, иного способа избавиться от вшей просто не было. Да и парикмахеры не церемонились:

– Следующий! Подходи! Убери ладони! Что ты закрываешь? Боже мой, нашел что закрывать! Господи, дайте мне лупу! Да у него член такой маленький, я его вообще не вижу! Как бы я его вместе с волосами не отрезал!..

Но хуже всего было то, что из бани до лагеря шесть километров нужно было идти сквозь ночную метель, по снегу и заледенелой дороге. Конвоиры, как всегда, покрикивали:

– Быстрее! Бегом – марш! Давай, давай, япона мать! Шевели ногами!

6

– Сейчас вы все, полторы тысячи человек, теснитесь в трех бараках, – сказал майор Новиков. И это было правдой: в бараках было так тесно, что японцы спали вповалку и не могли даже ног вытянуть для отдыха. – Вот мой план, – сказал он. – Нужно срочно построить еще три барака, больницу, баню, парикмахерскую, прачечную, дезкамеру и карцер для нарушителей дисциплины. А также провести водопровод от озера, которое в двух километрах от лагеря. И расширить нужники, сделать канализационный сброс от сортиров в соседний овраг или еще дальше, в заброшенную шахту. А то ваши люди уже пол-лагеря засрала. Комбат Якогава, я не могу уменьшить для вас нормы добычи угля в шахтах, но вас много – подумайте, как можно поднять производительность так, чтобы освободить хотя бы сотню японцев для помощи нашим русским плотникам и строителям. Учтите: вся эта работа – для вас, чтобы вы не замерзли тут зимой и не вымерли все от тифа и других болезней. Вы меня поняли?

– Я вас понял, господин майор, – ответил Якогава. – Но если можно, скажите, пожалуйста: вы этот план сами составили или получили от вашего командования?

– А какое это имеет значение?

– Очень большое, господин майор. Если можно, ответьте, пожалуйста.

– Конечно, можно. Пожалуйста! У нас, комбат, плановая социалистическая система. И поэтому все решения и мероприятия – не только военные, но и политические, и экономические, и научные – всё у нас происходит только планоно, по приказу сверху, а еще точнее – по

личному указанию генералиссимуса Сталина и Политбюро нашей Коммунистической партии большевиков. В этом наша главная сила, именно поэтому мы победили Германию и Японию. Теперь вы меня хорошо поняли?

– Теперь я вас хорошо понял, господин майор. Спасибо, – сказал Якогава. – Если такой план реконструкции нашего лагеря пришел от генералиссимуса Сталина, значит, жить нам в этом лагере очень долго. Мы поднимем производительность нашего труда и освободим для строительства новых бараков не сто, а сто пятьдесят человек.

* * *

И буквально наавтра все японские плотники были освобождены от работы в шахтах, брошены на помощь русским плотникам. Стройка бараков и других помещений шла русским методом: сначала в уже промерзающей земле японцы долбили и копали ямы для фундаментов глубиной более трех метров, поскольку иначе, говорили русские, нельзя – всё померзнет: и водопровод, и канализация. Потом ставили и клали бревна, потом крыли досками крыши. И одновременно с русским методом строительства обучались русскому языку.

– Давай, давай, япона мать! – кричали русские плотники. – Копай быстрее на...уй! Забивай в п...зду!

В связи с таким эффективным методом японские бараки росли буквально на глазах, и, глядя на это, ефрейтор Сайто, который в Японии был бригадиром плотников, с восторгом сказал:

– Нет, вы только посмотрите, как эти русские орудуют топором! Молодцы в п...зду!

7

В начале лагерной жизни японцев кормили японскими продуктами, которые прибыли с ними. Но их было 1500 человек, они очень быстро все съели, даже коров и быков. И вскоре уже не могли питаться японскими блюдами – белой рисовой кашей и горячим супом «мисо», их начали кормить советскими продуктами по советским нормам: в день 300 граммов черного хлеба, очень мало мороженого мяса и совсем немножко мороженных овощей.

Однажды в русском штабе Юдзи, засмотревшись на красавицу Татьяну, помощницу бухгалтера, углядел на ее столе очень интересный документ.

Зам. наркома внутренних дел
Союза ССР
генерал-полковник
ЧЕРНЫШОВ

Начальник
Тыла Красной
Армии генерал
армии ХРУЛЕВ

НОРМА № 1|
суточного довольствия военнопленных рядового и
унтер-офицерского состава японской армии
(на одного человека)

№ п/п	Наименование продуктов	Количество в граммах
1.	Хлеб из муки 96% помола	300
2.	Рис полуочищенный	300
3.	Крупа или мука (из зерна пшеницы, овса, ячменя и бобовых)	100
4.	Мясо	50
5.	Рыба	100
6.	Жиры растительные	10
7.	Овощи свежие или соленые	600
8.	Мисо (приправа к кушаньям из бобов)	30
9.	Сахар	15
10.	Соль	15
11.	Чай	3
12.	Мыло хозяйственное (в месяц)	300

ПРИМЕЧАНИЕ. Для военнопленных, занятых на
тяжелых физических работах, нормы по сахару и ово-
щам увеличиваются на 25%.

Выдача риса и хлеба увеличивается: при выработке 50%
установленной нормы — на 25 граммов, при выработке от
50 до 80% установленной нормы — на 50 граммов, при
выработке от 101% и выше установленной нормы — на
100 граммов, при выработке от 80 до 100% установлен-
ной нормы — на 75 граммов.

Для работающих военнопленных отпускается табак низ-
ших сортов из расчета 5 граммов в сутки на одного воен-
нопленного.

Витамины выдавать по назначению врачей.

Начальник ГУВС НКВД СССР генерал-лейтенант
и/сл. ВУРГАФТ

Зам. нач. ГУПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант ПЕТРОВ

Но конечно, даже из этого рациона к японцам не доходило и половины.

Когда Юдзи сказал об этом майору Новикову, тот возмутился:

– Что вы мне все твердите, что вам не хватает продуктов?! У нас была война, немцы уничтожили все сельское хозяйство Украины и европейской части России! Поэтому у нас карточная система, наш народ получает продуктов столько же, сколько и вы, а то и еще меньше!

Юдзи усомнился:

– Извините, господин майор, мне кажется, ваши люди получают достаточное питание. Посмотрите, какие они все жирные и толстые.

Тот с улыбкой покачал головой:

– Вы ничего не понимаете. Мы живы смекалкой. Иначе бы мы давным-давно вымерли, еще при царе Горохе!

– Простите, господин майор, я помню всех русских царей – Иван Грозный, Петр Первый, Александр Освободитель... А когда у вас был царь Горох?

Тот махнул рукой:

– Ладно, забудь про Гороха. Запомни наше правило: кто не работает, тот не ест. Понял?

– Никак нет, господин майор. Если вы хотите, чтобы человек хорошо работал, его нужно сначала хорошо покормить.

– Нет! Неправильно! Человек получает продукты по результатам его труда!

– Извините, господин майор. А что раньше – курица или яйцо?

– Не занимайтесь софистикой, Ёкояма! Идите работать!

8

Маленькое озеро Томь находилось на юге от лагеря на расстоянии двух километров. Из этого озера японцы и жители окрестных деревень возили себе воду на телегах в бочках. Поэтому воды всегда не хватало и японцам, и местным. Но сколько жителей в этих деревнях? Несколько сотен. Они не могли или не хотели заниматься прокладкой водопровода. А японцев было 1500 человек, они не могли навезти на всех воду в бочках!

Мастерам Зиннаю и Мацумото, которые в Японии были водопроводчиками, выделили сто человек для прокладки траншеи под водопровод. Поскольку зимой в Сибири земля промерзает в глубину на три метра, траншею нужно было рыть еще глубже, чтобы вода в трубах не замерзала.

Копать приходилось, конечно, вручную, а в октябре земля стала уже подмерзать и промерзать. Поэтому сначала японцы работали по-местному: били и рыхлили землю кайлами. А потом сообразили – стали на месте будущей траншеи разводить костры, а затем, когда земля отмерзала и оттаивала, копали уже и лопатами. И смеялись: «Смекалка, япона мать!»

Заодно часть рабочих вырыли небольшую канализационную траншею от нужников в соседний овраг, чтобы нечистоты не собирались в лагере.

Иногда, перестав долбить и копать, японцы разгибались и видели небо. В небе перелетные птицы косяками летели на юг. «Ах, – говорили японцы, расчувствовавшись, – вероятно, они летят в Японию. Если бы у нас были крылья!...»

Но крыльев не было, и они, вздыхая, снова принимались долбить чужую сибирскую землю.

У колхозных гусей крылья, конечно, были, но они им не помогали.

Когда колхозные гуси приближались к японцам, некоторые из рабочих тут же начинали гонять их – и гоняли до тех пор, пока те не сваливались в канаву. Из трехметровой канавы гуси не могли ни выйти, ни вылететь, японцы ловили их и в мешках отправляли на свою кухню.

Конвоиры делали вид, что не видят этого, а часто и правда не видели – участок работы был очень длинный, а конвоиров было очень мало, порой всего два-три человека.

Работали японцы всегда допоздна, до вечерней зари, которая в сибирские морозы очень красива.

А когда заря догорала и наступали сумерки, японцы, расслабившись, любовались яркими искрами сварки, которые летели со дна траншеи. Там водопроводчики Зиннай и Мацумото сваривали водопроводные трубы.

9

КАН!.. КАН!.. КАН!.. – несло над лагерем еще до рассвета.

Посреди лагеря пирамидой стояли три высоких бревна, между ними в центре висел кусок рельса. В этот рельс сигнальщик Комэда бил молотком каждое утро – давал сигнал к подъему.

Все японцы выходили из бараков и, трясаясь от холода, строились на площади в колонну по пять человек. Адъютант Хирокава, громко покрикивая, руководил этим построением.

Когда лагерь был построен, из караульного помещения степенно и важно выходил седой и толстый майор Каминский. Его широкое бабье лицо было исполнено суровой важностью предстоящего действия, а в руке у него была деревянная дощечка «гунпай» с ручкой на манер японского веера или кухонной доски для разделки рыбы. На этой доске карандашом было записано, сколько людей вчера вернулось в лагерь с работы и сколько сегодня должно быть на построении.

На основании этих данных Каминский и адъютант Хирокава начинали утреннюю поверку. Сначала они обходили бараки, считали, сколько там осталось дежурных и больных. Обычно в бараках оставалось по одному дежурному – следить, чтобы не было воровства и пожаров. А больных тут же отправляли в санчасть. После этого делался обход санчасти, кухни и конюшни, и всех, кто там находился, пересчитывали и записывали на доску.

А потом, в последнюю очередь, считали людей, стоявших на площади.

Если изначальные цифры сходились с теми, что получались на новой поверке, то Каминский говорил «все налицо» и командовал:

– Ра-а-азошли-ись!..

Но нередко цифры у Каминского не сходились, поскольку он был плох в математике, и тогда всю поверку начинали сначала. Каминский кричал:

– Ой, у нас побег! Двух человек не хватает!

Или:

– Ох, три человека лишние! Откуда они взялись?

Юдзи говорил:

– Это невозможно. Дайте, я пересчитаю.

– Нет-нет! – отвечал Каминский. – Это моя обязанность.

– Но смотрите – все японцы уже замерзли. Даже ваши солдаты трясутся от холода.

– Ничего, не умрут. Не надо спешить, – говорил Каминский. – Значит, так. На работу ушли 38 человек, их отнимаем. С чистки нужников вернулись 11 человек, их прибавляем. Все равно двух не хватает! Кто дезертиры? А? Имена!

– Подождите, господин майор! Два человека сидят в карцере, вы их учитывали?

– А-а! Ну да, правильно. Всё, расходитесь!

С точки зрения армейской службы Каминский был образцовым военным. Он беспрекословно выполнял все приказы начальства и мог одно и то же дело повторять сотни раз.

Как-то вечером они разговорились. Юдзи сказал, что зимой в Сибири солнце заходит очень рано, поскольку Сибирь находится в Северном полушарии.

Каминский сказал:

– Что значит «полушарии», бля? Я не верю, что наша Земля круглая и что мы, сука, кружимся вокруг Солнца. По-моему, это неправильно.

Юдзи просто онемел от изумления.

Но Каминский понял это по-своему и сказал еще увереннее:

– Смотри, бля! Каждый день солнце появляется на востоке, проходит, сука, над нашими головами и уходит на запад. Так? Как же Земля может кружиться вокруг Солнца? Разве мы висим вниз головами? Нет, это солнце, бляха-муха, передвигается над нами!

Юдзи испугался, нарисовал ему Солнечную систему, стал объяснять, как школьнику. Но тот не согласился и сказал, рассердившись:

– Фуйню ты порешь! Мы стоим на Земле, а Бог и Солнце всегда над нашими головами. Если бы икона висела вниз головой, то Божья Матерь уронила бы Иисуса Христа! Иди на фуй, не морочь мне голову!

Юдзи был ошеломлен. До чего упрямые эти русские люди!

10

В начале ноября выпал первый снег. И, как обещал майор Новиков, сразу началась ужасная зима.

Земля замерзла так, что, когда японцы били ее кайлом, кайло отскакивало и рука немела.

На замерзшей дороге глина меж колеи торчала к небу остро, как пила.

Промерзший и мелкий, как сахар, снег сверкал и блестел и все сыпал и сыпал с неба. Японцы удивлялись: сибирский снег не похож на японский, он не липнет и не тает в руках, а сухим песком просыпается сквозь пальцы.

Небо низкое, облачное, и вся атмосфера промерзла так, что даже воздух стал как микроскопические линзы, в которых солнце дробится и рассеивается на тысячи маленьких солнц. Это удивительный природный феномен, это волшебное искусство мороза!

Минус сорок градусов! Плевков сразу примерзает к земле!

Вдруг на краю неба появляется черное облако, один его край тут же свешивается до земли, и разом возникает смерч – ураган со снегом. И если при скорости ветра метр в секунду температура снижается на градус, а снежный ураган несется со скоростью 30–40 и даже 50 метров в секунду, то невозможно описать, какой ужасающий холод налетает на вас в это время. Безжалостный и колючий мороз проникает сквозь самую теплую одежду, режет дыхание и легкие!

Сибиряки называют это бураном.

Зато после бурана погода устанавливается безоблачная. И ночи спокойные, тихие, на небе ослепительно сверкают полные звезды и кажутся такими близкими – рукой подать до Полярной звезды и Большой Медведицы!

Волки, которых японцы до сих пор не видели и не слышали, стали грустно и голодно потягивать и подвывать совсем рядом с лагерем.

А ночи все затягиваются, становятся все длиннее. В два часа дня на землю уже спускаются сумерки, в четыре совсем темно. И так до девяти, а то и десяти утра следующего дня, когда с трудом, нехотя приходит новая заря. Солнце встает так медленно и так ненадолго!

Зато среди ночи на горизонте вдруг возникает слабый свет, через несколько минут он возносится ввысь, мистически меняя и смешивая краски – красное, синее, желтое, фиолетовое свечения причудливо танцуют в беззвучном небе! «О, как красиво! – говорили японцы. – Это симфония света, божественная палитра!»

А температура все падает – уже минус сорок пять! Теперь плевков замерзает на лету и ледышкой отлетает от промерзшего панциря земли.

Всё замерзло, всё! На мордах лошадей намерзли сосульки. Картофель замерз и стал как камни. Яблоки тоже. Листья капусты промерзли, и края их такие острые, что можно порезать руки. А бревна замерзли так, что ни пилой распилить, ни топором разрубить – просто камень!

Из-за таких морозов окна всех русских домов двойные, между внутренними и наружными рамами жители подвешивают мясо кекликов – птиц, которых они зимой палками бьют в лесу и на дорогах. А под снегом сибиряки хранят, как в природном холодильнике, говядину и другое мясо, которое рубят топорами и пилят пилами.

Даже молоко замерзло!

Да, никогда раньше Юдзи не видел такого молока – на станции, на колхозном рынке, продавщица выставила на прилавке белые полушария величиной с чашку или глубокую тарелку. Юдзи испугался, подумал, что это мороженые женские груди. А она засмеялась:

– Ой, да что вы?! Это свежее молоко. Вчера вечером я налила свежее молоко в чашки и выставила на улицу, а утром внесла в дом и вынула. Купите и попробуйте, это очень вкусно!

Но денег у Юдзи не было, он улыбнулся и с сожалением отошел от продавщицы.

Каждый вечер после работы майор Каминский вызывал в штаб нескольких японцев: сначала всех врачей, потом санитаров, потом всех японских офицеров, затем – всех очкариков. И хитрыми вопросами пытался уличить их в том, что они скрывают свое участие в создании биологического оружия. Юдзи вынужден был переводить эти вопросы и через какое-то время стал подозревать, что Каминский знает японский язык, хотя и скрывает это...

С утра в гараже шофер Дамбара никак не мог завести грузовик и ругался по-русски:

– Ёлки-палки! Япона мать! Бензин замерз! Смотри!

Он налил из канистры бензин в кружку и показал Юдзи. Действительно, в бензине плавали мелкие льдинки.

– Что делать? Япона мать!

– Подожди, не ругайся. Сейчас позову Николая, он русский шофер.

Пришел Николай:

– В чем дело, японать?

– Двигатель не работает. Бензин замерз на фуй!

– Ладно, не матерись. Научились, бля! – Николай взял железную палку, намотал на ее конец тряпку, смоченную смазкой и мазутом, поджег и сунул огонь под мотор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.